

Александр Золотько

Покер на костях

Александр Золотько

Покер на костях

«Автор»

2001

Золотько А. К.

Покер на костях / А. К. Золотько — «Автор», 2001

ISBN 966-03-1474-4

Александр Золотько – признанный мастер боевика, автор жестких, по-современному динамичных криминальных романов, представляет авторскую версию своего нового произведения – роман «Покер на костях»..

ISBN 966-03-1474-4

© Золотько А. К., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Преамбула.	5
Часть первая.	7
Глава 1.	7
20 октября 1999 года, среда, 21-00, Москва.	7
21 октября 1999 года, суббота, 19-30, Киев.	10
22 октября 1999 года, пятница, 18-30 по местному времени, Будапешт, гостиница «Экспо».	13
22 октября 1999 года, пятница, 19-30 по Киеву, Город.	15
22 октября 1999 года, пятница, Будапешт, 20-00 по местному времени, универмаг «Корвин».	18
22 октября 1999 года, пятница, 20-00 по Киеву, Город, гостиница «Турист».	20
23 октября 1999 года, суббота, 3-00, Москва.	25
Глава 2.	29
23 октября 1999 года, суббота, 6-00, Москва.	29
23 октября 1999 года, суббота, 5-00 по Киеву, Город.	29
23 октября 1999 года, суббота, 10-00 по московскому времени, Белгород.	31
23 октября 1999 года, суббота, 10-00 по Киеву, Город.	34
23 октября 1999 года, суббота, 10-30 по местному времени, Будапешт.	39
23 октября 1999 года, суббота, 12-00, Москва.	41
23 октября 1999 года, суббота, 11-15 по Киеву, Город.	43
23 октября 1999 года, 10-30 по местному времени, Будапешт.	46
23 октября 1999 года, суббота, 13-00, Москва.	47
23 октября 1999 года, суббота, 11-15 по местному времени, Будапешт.	49
23 октября 1999 года, суббота, 12-30 по Киеву, Город.	52
Глава 3.	55
24 октября 1999 года, воскресенье, 8-00 по Киеву, российско-украинская граница, район Города.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Золотько

Покер на костях.

Преамбула.

В кабинете их было десять человек. Раньше они никогда не собирались таким составом и, не исключено, никогда больше не соберутся. Их не связывало ничего, кроме цели, хотя и цель у каждого из них была своя. Просто на какой-то отрезок времени векторы их интересов совпали.

Они вовсе не были союзниками, эти десятеро, собравшиеся в слабо освещенном кабинете вокруг стола, как не были они и врагами. Все они великолепно знали и всегда выполняли правило старой английской дипломатии – у них не было ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, только постоянные интересы.

Даже в этот момент, когда они, дружески поздоровавшись друг с другом, рассаживались вокруг массивного дубового стола, где-то далеко, за пределами кабинета, их деньги, их люди, их организации вели между собой непримиримую борьбу. Никому из них даже в голову не пришло предложить перемирие на время переговоров. Они – серьезные деловые люди.

За столом сидели равные. Не было ни председателя, ни обслуживающего персонала. Никто не потрудился представиться, никто не стал объявлять повестку дня. Десятеро знали ее.

Слишком много времени и усилий заняла подготовка встречи. Слишком много людей пришлось устранить в ходе этих предварительных переговоров. Курьеры использовались не больше одного раза, консультанты имели право сделать не больше одной консультации.

К началу встречи не существовало ни одной страницы и ни одного файла, касающихся причин, целей и даже самого факта встречи.

О самой встрече знали только десятеро сидящих за столом и их охранники, разместившиеся вокруг здания. Но охранники тоже были одноразовыми.

– Как я понимаю, ни у кого не возникло возражения относительно кандидатуры исполнителя? – спросил один из десяти, сидевший спиной к камину.

То, что разговор начал он, вовсе ничего не значило. Кто-то все равно этот разговор начал бы через секунду.

– Деньги на счет тоже поступили ото всех, – констатировал тот, что сидел справа от заговорившего первым.

– И никто не хочет внести никаких дополнений в первоначальный план, – полуутвердительно, полувопросительно сказал третий.

– Странная у нас получилась комбинация, – с легким смешком произнес четвертый, – заказчик не знает ни кто, ни как, ни где конкретно.

– Лично мне достаточно знать, что это будет. И то, что это произойдет в течение года.

– От года до полутора лет, – поправил говорившего сосед слева.

– Мне всегда было интересно, что может сделать профессионал, не ограниченный ни средствами, ни моралью. Чистый эксперимент, если хотите.

Трое из десяти засмеялись.

Остальные остались невозмутимыми.

– С самого начала мы договорились, что никто из нас не сможет остановить начатое... – произнес один из молчавших.

– Тогда давайте начинать, – сказал заговоривший первым. Он протянул руку к клавиатуре компьютера и нажал на клавишу «Энтер».

На экране высветилась иконка с сообщением о выполнении операции. Потом экран погас.

Все, кто собрался в кабинете, были людьми серьезными и волевыми. Пожалуй, ничто в мире не могло повергнуть их в трепет. Но даже они несколько секунд молча сидели после того, как заранее заложенная программа уничтожила в компьютере всю информацию.

Они не прощались, вставая из-за стола. Они знали, что даже если кому-нибудь из них придется увидаться, они никогда не заговорят об этом вечере и об этой встрече.

Потому, что не было этой встречи. Потому, что все десятеро в этот вечер находились в разных частях света.

И если что-то произойдет за следующие год-полтора, то никто из десяти к этому отношения иметь не будут. И никто из этих десяти не чувствовал себя преступником.

И никто из этих десяти не чувствовал себя обязанным остальным девяти хоть чем-то. Более того, минимум четверо из десяти рассматривали результаты встречи, как очень удобное средство борьбы друг против друга.

Для всех десяти это было похоже на азартную игру. На чистый эксперимент, если хотите.

Часть первая.

Глава 1.

20 октября 1999 года, среда, 21-00, Москва.

Кабинет был освещен только настольной лампой. Ее свет четко очерчивал круг на письменном столе. Посреди круга, словно посреди цирковой арены, лежал лист бумаги, заполненный печатным текстом.

– Похоже, у нас есть повод радоваться, – ровным голосом сказал человек, сидевший за письменным столом.

Словно боясь обжечься, он кончиками пальцев чуть подвинул лист бумаги от себя, в сторону собеседника.

– Похоже, – спокойно ответил тот.

– Только похоже, Миша...

– Только похоже, Виктор Николаевич.

– Никогда не замечал, что у меня в кабинете такое услужливое эхо, – недовольным тоном сказал Виктор Николаевич.

– Это не эхо такое услужливое, – сказал Михаил, – это я. Лицо его терялось в полумраке кабинета, но в голосе Виктор Николаевич почувствовал невеселую улыбку.

– В чем-чем, а на этом грехе мне вас ловить не доводилось.

– А на каком доводилось? – спросил Михаил.

– Не нужно демонстрировать свою безгрешность, Миша, это раздражает всех, тем более начальство. Тем более! – пальцы Виктора Николаевича снова тронули лист бумаги. – Вы понимаете, что это значит?

– Вы имеете в виду этот листок?

– Я имею в виду эту информацию. Вы себе ясно представляете, что значит вот это? – на этот раз Виктор Николаевич взял листок в руки.

– Если верить тому, что здесь написано – нас «заказали».

– Что? – несколько недовольным тоном переспросил Виктор Николаевич.

– Нас. «Заказали». – отдельно произнес Михаил. – Как принято это в криминальном мире. Кто-то выложил деньги, а кто-то принял заказ.

– Я никогда не замечал в вас склонности к черным шуткам.

– Это не черные шутки, это, извините за пошлый каламбур, черная реальность. Если верить тому, что здесь написано.

– А вы склонны этому не верить?

– А я склонен этому верить, к сожалению. Прежде чем прийти к вам, я навел некоторые справки.

– Где, если не секрет?

– Какой может быть секрет от прямого и непосредственного начальства. Никаких секретов. То есть, абсолютно. Я от вашего имени дал указание аналитикам и «регистратуре». Кроме этого я задействовал «Спектр».

– Вы так серьезно это восприняли, что рискнули использовать «Спектр» без высочайшего соизволения? – в голосе Виктора Николаевича мелькнуло не раздражение, а, скорее, усталое удивление. Он слишком высоко ценил интуицию своего подчиненного, и слишком хорошо

знал его скептицизм. – Миша, вы меня удивляете. Такое чувство, что вы решили полностью загубить свою карьеру.

– Не полностью, Виктор Николаевич, а окончательно. Еще никому на свете не удавалось частично загубить карьеру.

– Ну, это, Миша, уже почти хамство!

– Извините, Виктор Николаевич, просто очень сильно болит голова. Очень-очень сильно.

– Сколько часов вы спали после получения этого? – руки Виктора Николаевича аккуратно вдвое свернули лист бумаги.

– Слишком много внезапно оказалось работы.

– Двое суток... – констатировал Виктор Николаевич.

– Трое. Еще сутки до прихода сообщения. И, кстати, чуть не забыл, информацию эту я получил по каналам «Спектра», так что имел полное право по тем же каналам ее и проверить.

– И что показала проверка?

Михаил тяжело вздохнул, и в круге света показалась синяя пластиковая папка:

– Прошу.

– Невозможно обойтись без эффектов! – пробормотал Виктор Николаевич, открывая папку. – Однако! Сколько накопили!

– Девяносто три страницы, согласно приложенной описи. Все – в единственном экземпляре. Печатал лично я, ленту с пишущей машинки уничтожил. Саму машинку уничтожить не решился, по причине ее принадлежности к казенному имуществу.

– Хорошо, хорошо, – рассеяно похвалил Виктор Николаевич, явно не расслышав, что именно сказал Михаил.

Виктор Николаевич читал быстро, аккуратно переворачивал листочки в папке левой рукой. Пальцы правой постукивали по крышке стола.

Михаил откинулся на спинку стула и помассировал переносицу. Он действительно сильно устал за трое бессонных суток. Теперь нужно было только немного подождать. Ровно столько, сколько понадобится Виктору Николаевичу на знакомство с содержимым папки.

Виктор Николаевич хмыкнул, перелистнул назад несколько страниц. Потом захлопнул папку. Помолчал.

– Как вы сказали, Миша? Нас «заказали»?

– Да.

– Беру назад свои замечания насчет черного юмора. Извините.

– Не за что. Я и сам не сразу поверил.

– Не сразу поверил, – задумчиво повторил Виктор Николаевич, – а что теперь делать мне? Что прикажете делать? Подготовить официальный рапорт о том, что кто-то нанял кого-то для проведения акции, или целой серии акций против России. Сообщить, что кто-то решил объявить войну целому государству. Не другое государство, не группа государств, не партия, ни религиозное движение, а просто кто-то... Это действительно может быть воспринято как шутка. Как глупая черная шутка... Сколько человек из потенциальных исполнителей уже могло быть задействовано?

– Все. Могли быть задействованы все. Россия, Украина, Белоруссия, пардон, Беларусь, Прибалтика... Вся территория бывшего СССР. Достоверно подтверждена активность более пятидесяти человек, стоявших у нас на учете.

– Активность...

– Они вышли из-под контроля. Исчезли. И так, и так мы бы получили информацию о такой активности, только без первоначальной информации нам пришлось бы долго ломать голову над причиной такой суеты.

– А тут нам, значит, кто-то помог... Кстати, ваши предположения насчет источника информации?

– Не знаю. Честно – не знаю. К нам информация попала через русскую мафию в Венгрии. Через...

– Стоп, можно я угадаю? – остановил Михаила Виктор Николаевич.

– Уже угадали. Это наш давний друг господин Зимний. Сейчас он в Будапеште, передает самые наилучшие пожелания. К нему информация поступила в виде запечатанного пакета с сопроводительной запиской. Зимний утверждает, что конверт не вскрывал. Я ему верю.

– Неординарный способ связи...

– Более чем.

– Может быть, с Зимним есть смысл поговорить немного подробнее?

– Я не думаю, что попытка выявить источник информации нам что-нибудь конкретное даст. Нужно искать исполнителя.

– Исполнителей. Вы сами сказала о пятидесяти...

– Извините, оговорился. Нужно искать субподрядчика. Того, кто принял заказ. И вот его найти будет особенно трудно.

Виктор Николаевич припечатал ладонью папку:

– Это похоже на бред. Это нереально. Невозможно, ни за какие деньги невозможно террористическими методами сломать целое государство. Пусть даже такое издерганное, как наше. Пусть даже такое нелепое... Никто не сможет надежно перекрыть всю страну. Господи...

Михаил промолчал. Все это он уже успел обдумать за последние двое суток.

– Это невозможно! – повторил Виктор Николаевич. – Или вы думаете иначе? Никто и никогда такого не мог осуществить...

– Просто никто не пробовал, – сказал Михаил.

– Ладно, Миша. Что вы предлагаете предпринять?

– Во-первых, предупредить Президента. Через Премьера, естественно. Еще раз напомнить об усилении бдительности. Тут можно ничего нового не объяснять, тут чеченцы нам немного помогли. В-третьих, не все из тех, кто ушел из-под нашего контроля, на самом деле исчез. Слава Богу, не лаптем щи хлебаем. Двоих мы готовы брать в любую минуту, еще четверых обложим в течение суток. Только...

– Что только? – быстро переспросил Виктор Николаевич.

– Сопредельные государства. В первую очередь – Украина. Сами знаете, «Спектр» «Спектром», а суверенитет врозь. Тем более, что у них там в самом разгаре выборы президента. И им, скорее всего, наши игры в «сыщики – разбойники», мягко говоря, покажутся неинтересными.

– С Украиной я попытаюсь договориться, – сказал Виктор Николаевич, – завтра к вечеру. Вы тем временем, аккуратно возьмите тех, кого сможете, и очень быстро и интенсивно выясните у них механизм вербовки, характер задания, ну, и так далее... И обязательно пошлите кого-нибудь в Будапешт к Зимнему. Нельзя отказываться от малейшего шанса. Лучше всего – пару человек.

– Степень информированности? – сухо и по-деловому спросил Михаил.

– Минимальная. Приехать, выяснить подробности и сообщить нам.

– Есть.

– А вам лично, Михаил, я приказываю поспать. Не менее десяти часов. Вопросы?

– Знаете, кем я хочу быть? – мечтательным голосом спросил Михаил.

– Кем?

– Генералом. Лучше – генерал-лейтенантом, – вы только представьте себе – сижу я в своем служебном кабинете, заваливаю несчастного подчиненного приказами, а потом, напоследок, приказываю ему еще и поспать... Я был бы очень душевным генерал-лейтенантом.

– А пока вы очень молодой и дерзкий подполковник, дорогой Михаил. И если будете так дерзить генерал-лейтенантам – никогда не станете даже полковником. И не нужно прики-

дываться сиротой казанской. Я более чем уверен, что выполнение всех моих указаний вы уже подготовили и только ждали отмашки. Так?

– От вас ничего невозможно скрыть. Я иногда просто теряюсь. Я не готовил только поездку в Будапешт. Не предусмотрел. Виноват.

– Или не хотите попусту гонять своих людей. Вы очень трудный подчиненный, Михаил. Хорошо, к Зимнему поедут не ваши люди, а кто-нибудь из парней Игоря Петровича. Не каждый день его ребятам выпадает заграничная командировка. Я сам поговорю с Игорем Петровичем. А вы, Михаил, отправляйтесь спать!

– Слушаюсь! – бодро ответил Михаил вставая. – Разрешите идти?

– Разрешаю. Только...

– Что? – быстро спросил Михаил.

– Если вы попытаетесь не выполнить мой приказ, я вас оставлю ночевать в управлении. Если будет нужно – прикажу накачать химией.

– Не нужно химии, я сам.

– И последнее, перестаньте делать из начальства болвана. Вы ведь с самого начала решили, что в Будапешт должны ехать люди из контрразведки. Так?

– Так. А еще это был контролируемый недостаток. Нужно же и начальству дать возможность проявить бдительность. Разрешите идти?

– Идите.

Михаил демонстративно щелкнул каблуками и вышел.

Виктор Николаевич еще раз задумчиво постучал пальцами по папке. Улыбнулся. Странные отношения сложились у него с Михаилом. Мало кто из знакомых Виктору Николаевичу генералов стал бы терпеть подобные выходки от подчиненных.

Но и мало кто из известных Виктору Николаевичу подполковников могли бы сравниться с Михаилом в профессионализме.

Виктор Николаевич открыл папку. Прежде чем связываться с Премьером, нужно было все еще раз внимательно изучить. Вхождение Премьера в политику не отменило его профессиональных навыков.

21 октября 1999 года, суббота, 19-30, Киев.

– Почему именно ко мне? – спросил собеседник неожиданно.

Говоривший осекся. Он как раз собирался перейти от преамбулы к основной части своего короткого монолога, и фраза: «Решили обратиться к вам» должна была прозвучать еще только через пару минут.

– Простите?

– Вы вот-вот должны были сказать нечто вроде «обратиться к вам», поэтому я решил немного сократить время нашей беседы.

– Да. – Говоривший неловко кивнул и бросил быстрый взгляд в угол переполненного кафе.

– Что «да»?

– Я действительно хотел сказать...

– Вот и говорите, – посоветовал собеседник, – и не надо переглядываться со своими людьми, а то я начну неприлично крутить головой и пытаться рассмотреть, кто же там прячется в сутолоке и дыму.

– Сергей Сергеевич...

– Можно просто – Сергей. Кстати, если бы вы представились мне хоть каким-нибудь именем, вам и самому было намного проще со мной общаться. Или вам не дали по этому поводу указаний? Да не пяльтесь так мне за плечо! Давайте будем называть вас Брониславом?

– Почему Брониславом?

– Ну не Васей же вас звать, в самом деле? К тому же такое имя как-то отбивает всякую охоту искать уменьшительно-ласкательную форму. Броник, или как? – Сергей Сергеевич откровенно развлекался, рассматривая человека, сидевшего напротив.

– Хорошо, пусть будет Бронислав, Сергей...

– Просто Сергей. Мы с вами почти одного возраста.

Бронислав повертел шеей, воротник рубашки начинал ему мешать.

– Вы вообще непозволительно тянете время в беседе. И напрочь выпустили инициативу из рук. Вот сейчас, вместо того, чтобы диктовать мне свою волю, вы совершенно беспомощно барахтаетесь в моих словоизлияниях. Согласны?

– Да, но...

– Вот вы еще и умудрились согласиться с моим, по большому счету, оскорбительным заявлением. Знаете что, Бронислав?

– Что?

– Во-первых, никогда не отвечайте на подобные вопросы подобным образом. «Знаете что?» – «Что?». Нужно было либо совершенно уйти от ответа, например, промолчать. Или похамски ответить «Знаю» или «Не знаю», в зависимости от обстановки. Знаете что, Бронислав?

– Э-э...

– Уже лучше. Значительно. Теперь дальше. – Сергей перелил остаток пива из бутылки в бокал и отхлебнул, – Переговоры вы вести совершенно не умеете. Вместо того, чтобы взять меня за шкирки и вытряхнуть из меня нужную вам реакцию, вы лихорадочно вспоминаете, что вам по этому поводу говорил ваш шеф...

– Какой шеф?

– Лучше молчите, Бронислав. Лучше молчите. Вы только что сообщили мне, что хорошо знаете где я работаю и чем именно занимаюсь. Это указывает на хорошую осведомленность тех, кто вас ко мне послал. А что, нельзя было дальше сообразить, как именно я отреагирую на ваши вялые попытки меня шантажировать? Я ведь и сам, в какой-то мере, в этом специалист. Так что, Бронислав, чтобы не подставлять вас перед работодателем, я, пожалуй, возьму режиссуру нашей с вами беседы в свои руки. Иначе я сейчас встану и уйду, и вам снова придется меня вызванивать и разыскивать.

– Знаете, Сергей...

– Знаю. А вы Бронислав, не сходите с ума. Вы уже сообщили мне, что у вас есть на меня компромат и ко мне – предложение. Я верно понял суть вашего выступления?

– Верно.

– Я сознаю, что компромат у вас, судя по вашему первоначально наглому виду, достаточно веский. И, судя по всему рисунку вашей речи, рано или поздно вы должны были мне его предъявить. Опустим словесную рутину и перейдем к созерцанию компромата. Он у вас наверняка с собой. И, скорее всего, в конверте. Я жду.

Бронислав вытащил из внутреннего кармана пиджака носовой платок и отер лоб. Медленно сложил платок несколько раз и сунул его назад в карман.

– Если вы настаиваете...

– Я вот сейчас возьму и обижусь.

– Ладно. – Из бокового кармана пальто Бронислав вынул плотный конверт и протянул его через стол Сергею.

– Мне задержать руку при передаче конверта, – спокойно спросил Сергей, – или ваш человек и так успеет меня сфотографировать?

Бронислав промолчал.

– Как знаете, – Сергей открыл конверт и не торопясь перелистал несколько машинописных листков. Потом внимательно посмотрел на фотографию, прикрепленную к тексту.

В кафе, и без того шумном, включили музыку, поэтому Бронислав не сразу расслышал, что именно сказал Сергей, вкладывая листки обратно в конверт.

– Что?

– Впечатляет, – чуть повысив голос сказал Сергей. – Даже очень впечатляет. Что дальше? Или вы просто хотели похвастаться своей информированностью?

Бронислав забрал конверт, брошенный Сергеем на стол, аккуратно положил его обратно в карман пальто:

– Нам нужно, чтобы вы...

– Вы сами-то знакомы с содержимым конверта?

– Да.

– Тогда вы должны были понять, что все это... – Сергей указал пальцем на карман собеседника, – произошло только по одной причине. Мне нужны деньги. Из страха, простите, я работать не намерен. Вы готовы обсудить со мной финансовые детали? Или вас не уполномочили?

– Это вы будете обсуждать не со мной. Сейчас мы с вами вместе выйдем на улицу и немного покатаемся в машине.

– Рад, что вы снова вернулись на хорошо отрепетированную стезю сценария. Вот что даже с посредственным актером может сделать хорошее знание текста, – Сергей отодвинул бокал и встал из-за стола.

Бронислав торопливо вскочил.

– Спокойнее, Броник, – наклонившись к его уху, сказал Сергей, – я никуда не бегу.

Они прошли к выходу. На крыльце Сергей щелкнул зонтиком:

– И где наша машина?

Бронислав покрутил головой.

Из висящих в воздухе мелких дождевых капель выдвинулся лиловый «форд».

– Садитесь, – решительно сказал Бронислав и открыл перед Сергеем заднюю дверцу. Свет в салоне не загорелся.

На заднем сидении уже кто-то сидел.

– Добрый вечер, – вежливо сказал Сергей, закрыл зонт и сел в машину.

Бронислав торопливо сел на переднее сидение, возле водителя. Машина тронулась.

Молчал Сергей, молчали его попутчики.

Бронислав несколько раз оглянулся через плечо на Сергея.

Машина свернула с освещенного проспекта, немного попетляла по переулкам, наконец, насколько смог рассмотреть Сергей, выехала к Днепру, где-то за городом и остановилась.

Бронислав снова оглянулся на заднее сидение.

– Где вы откопали такого некомпетентного и нервного типа? – ни к кому конкретно не обращаясь спросил Сергей.

– А сейчас вообще трудно найти толкового исполнителя, – чуть хриловатым голосом сказал тот, кто сидел на заднем сидении. – Особенно на разовое мероприятие.

– На разовое мероприятие... Тогда понятно.

– Сергей Сергеевич Петров, майор военной контрразведки независимой Украины. Тридцать шесть лет, холост, материальное положение – не удовлетворительное.

– Для меня – совершенно неудовлетворительное, – поправил Сергей.

– Совершенно неудовлетворительное. Для того, чтобы его немного улучшить, господин Петров предпринял несколько операций...

– Нельзя немного ближе к делу? Я сегодня это уже слышал и читал. С кем, кстати, имею честь?

– Называйте меня, Сергей Сергеевич, Иваном Ивановичем.

– Сидоровым, надо полагать?

– Ивановым.

– Очень приятно познакомиться. Теперь к делу?

– Теперь к делу, – подтвердил Иван Иванович.

Водитель машины, до этого спокойно сидевший на своем месте, неожиданно поднял руку. Глухо выстрелил пистолет. Бронислава бросило к дверце. Стекло с его стороны покрылось темными пятнами.

В машине остро запахло сгоревшим порохом.

– А вы говорите – компетентность, – сказал Иван Иванович.

– А вы говорите – одноразовость, – в тон ему сказал Сергей.

– Давайте перейдем в другую машину. Вы тут не за что не брались руками?

– Обижаете, – ответил спокойно Петров, – перчатки по такой погоде вещь просто необходимая.

– Тогда можно выходить.

– Маленькая просьба...

– Что именно?

– Не мог бы ваш человек забрать у покойного Бронислава из правого кармана пальто конверт. Так, на всякий случай.

Не дожидаясь указаний, водитель вытащил конверт и протянул его Ивану Ивановичу.

– Мне он не нужен, – сказал Иван Иванович

– Мне, собственно, тоже, – ответил Петров, – но придется забрать.

– Осторожность и еще раз осторожность, – провозгласил будто тост Иван Иванович.

– Тем более, что наша с ним беседа в кафе все равно запечатлена вашими людьми.

– Вот именно.

– Только не рассчитывайте, что это поможет вам сбить цену.

– Я не покупаю дешевых вещей, – сказал Иван Иванович.

– Даже продаваясь, нужно сохранять чувство собственного достоинства, – сказал Петров, открыл дверцу и раскрыл зонт.

Другая машина, тоже лиловый «форд», стояла метрах в десяти.

– Постоянство вкусов свидетельствует о постоянстве характеров, – заметил Петров.

– Просто, если мы с вами договоримся окончательно, у вас будет лишнее алиби на случай, если кто-нибудь видел, как вы сидели в лиловый «форд» возле кафе. Эта машина принадлежит очень уважаемому человеку.

– Приятно иметь дело с осторожным и предусмотрительным человеком.

– Слушайте, Петров, вас самого не тошнит от идиотской тональности нашего разговора?

– Еще как, – Петров вслед за Иваном Ивановичем сел в машину.

Водитель первой машины, аккуратно прикрыл дверцы салона, сел за руль, шелкнул переключателем радио. Поискал хорошую мелодию.

Справа что-то зашуршало. Водитель посмотрел, потом отвернулся. Ничего особого, просто подергивалась нога убитого.

Так бывает часто. Водитель это хорошо знал.

22 октября 1999 года, пятница, 18-30 по местному времени, Будапешт, гостиница «Экспо».

Двое поляков въехали в двухместный номер на пятом этаже около полудня. Портье мельком глянул на новых постояльцев сквозь толстые стекла очков, выполнил все формальности и выдал ключ, дежурно улыбнувшись.

Поляки были не самым худшим вариантом. В период челночного бума, гостиница стала постоянным местом обитания групп русских и украинских торговцев, привлеченных относительно низкими ценами и широко рекламируемыми шведскими завтраками.

Поляки, обменяв в вестибюле деньги, поднялись в лифте на свой этаж и больше вниз не спускались. По очереди приняли душ. Один из них сразу же уснул на той кровати, что была ближе к окну, второй – включил телевизор и расположился в кресле. Только раз он встал со своего места, чтобы достать из холодильника банку колы.

В пять зазвонил телефон. Сидевший в кресле, не двигаясь с места, спокойно взглянул на телефонный аппарат. Дав несколько звонков, телефон замолчал, для того, чтобы через минуту зазвонит снова. И снова сидевший в кресле проигнорировал старания телефона.

Когда через минуту телефон зазвонил снова, с кровати резко встал спавший и поднял трубку:

– Да? – спросил он по-русски.

– Ждем звонка, – после небольшой паузы сказал кто-то в телефонной трубке.

– Спускаюсь к телефону-автомату, – по-русски сказал проснувшийся, положив телефонную трубку на аппарат.

– Сходить с тобой, Дима? – спросил сидевший перед телевизором.

– Я сам. Ты пока собери вещи. Не исключено, что придется переехать к Зимнему.

– А мы ничего и не распаковывали.

– Все равно – осмотри все, чтобы ничего не посеять. И дверь за мной прикрой!

– Дима, не начинай занудствовать. Считай, что у нас отпуск.

– Двери, я сказал, сразу за мной закрой.

– Слушаюсь, гражданин капитан! – сидевший в кресле лихо откозырял.

Дмитрий вернулся от двери, присел на корточки возле кресла:

– Сережа, я тебя прошу, приди немного в себя. Мы не в отпуске. И я не виноват, что нас отправили вместе. Ты знаешь, что в последний момент Родионов не смог поехать. Не нужно меня любить, просто выполни задание. А я не буду никому говорить о твоём поведении. По рукам?

Сергей молча встал с кресла и подошел к двери номера:

– Я закрою дверь.

Дмитрий вышел в коридор. Дверь за ним резко хлопнула. Дмитрий поморщился. Поначалу, в Москве, он даже обрадовался редкой возможности съездить за границу. Пусть на пару дней, и пусть не в Рио, но все-таки разнообразие на фоне серых служебных будней. И только за два часа до отъезда ему сообщили, что вторым с ним поедет Сергей.

Не постоянный напарник Володя Родионов, а Сергей Алексеев. И только в поезде Дмитрий узнал, что Алексеева выдернули из отпуска на второй день после свадьбы. Требовалось знание польского в совершенстве и немного мажарского. Алексеев почти все время поездки молчал, или откровенно провоцировал напарника на конфликт.

Дмитрий посмотрел на свое отражение в зеркальной стенке лифта, пригладил волосы.

В холе у входа было пусто. Портье с сильно косящим глазом за толстенными линзами очков посмотрел сквозь Дмитрия. Справа, со стороны ресторана, тянуло чем-то жаренным.

Дмитрий, не торопясь, прошел через холл, вышел на улицу. Сыро. Мелкая водяная дрянь пропитала воздух и холодной испариной сразу же легла на лицо.

Телефонная будка находилась в ста метрах справа от гостиницы. Дмитрий набрал номер телефона и, когда на той стороне взяли трубку, сказал:

– Я позвонил.

– Вы второй раз ошиблись номером, – ответил мужской голос, и раздались короткие гудки.

Это значило, что из двух имеющихся вариантов места встречи, около памятника Барошу возле вокзала «Келети» и универмага «Корвин», расположенного дальше по проспекту Ракоци, Зимний выбрал универмаг.

22 октября 1999 года, пятница, 19-30 по Киеву, Город.

Ситуация почти идиллическая: за окном мерзость заканчивающегося октября и пропитанная водой темнота позднего осеннего вечера. В комнате тепло, сухо и светло.

На письменном столе светится монитор компьютера, и по экрану, вращаясь и меняя цвет, плавают призыв «Пиши роман». Эту заставку я сам ввел в компьютер, вдохновленный, в свое время, двумя эпохальными событиями – появлением на прилавках моего первого романа и покупкой моего первого компьютера.

Пиши роман. В смысле, если у тебя один раз получилось исписать пятьсот страниц ни в чем не повинной бумаги и убедить издателя эти пятьсот машинописных страниц превратить в триста пятьдесят страниц книжного текста, то следует из этого сделать бизнес. По возможности, ужасно доходный и несущий славу.

Так уж сложилось, что уже почти три года я не могу отнести себя к категории работающих, хотя и безработным тоже считаться не могу. Если глубоко задуматься, то веду я почти божественный образ жизни. Птичка Божия...

А что? По всем параметрам подхожу. К тридцати семи годам я проработал шесть лет в школе, два года в Доме пионеров и школьников, год в коммерческих структурах, пять лет в прессе... Ну, и так далее. Закончил университет, издал книгу, развелся, потерял работу... Работа, кстати, не самая крупная моя потеря. Но об этом я предпочитаю не вспоминать.

Еще я сподобился заполучить себе ночной кошмар, приходящий ко мне время от времени и заставляющий просыпаться среди ночи с бьющимся в истерике сердцем. Но об этом тоже не нужно. Все нормально. Все просто превосходно. Была у меня одна знакомая, которая на дежурный вопрос: «Как живешь?» жизнерадостно сообщала, что все у нее в порядке, что и она и все ее родственники счастливы, что жизнью она довольна... А потом добавляла: «Это аутогенная тренировка».

Это аутогенная тренировка. Нужно убедить не столько окружающих, что все в жизни у тебя хорошо и правильно, нужно уговорить себя, что нормально каждый день лихорадочно пересчитывать деньги – хватит до завтра или нет, и суматошно метаться по промокшему городу, в поисках приработка. Или вот, нужно вбить себе в голову, что совершенно нет ничего плохого в том, когда отправляешь своего четырнадцатилетнего сына расклеивать предвыборные листовки, снабдив его ведром с клеем и наилучшими пожеланиями.

Так что, идиллически весь сегодняшний вечер выглядит только в моем тренированном воображении. Все хорошо.

Это просто писатель сидит за письменным столом и продумывает сюжет будущего бестселлера, вот уже час тупо уставившись в экран монитора.

Дурацкое состояние. Сидишь не в силах заставить себя отстучать на клавиатуре первое слово. Сидишь, ругаешь себя нецензурно и борешься с соблазном послать все к чертовой матери. А где-то в глубине души точно знаешь, что если таки удастся это проклятое слово напечатать, то потом все пойдет гораздо проще. Как бы само собой. И потом будет мучительно обидно прерываться на сон и совершенно невозможно продолжать сражаться с клавишами и сном одновременно. И где-то к двум часам ночи все-таки придется укладываться спать на скрипучий диван-кровать только для того, чтобы еще почти час засыпать, успокаивая разошедшееся в писательском раже сердце.

Если повезет, в эту ночь удастся разминуться со своим дежурным кошмаром, часам к одиннадцати утра получится тяжело, с натугой проснуться. И перемещаться по квартире,

время от времени косясь в сторону компьютера. Никогда не удается предугадать, получится сегодня написать первое слово или нет.

Черт. Я в последний момент удержал себя и не встал из-за стола. Сиди. Сиди и работай. Пиши роман. Гоголь, говорят, когда не мог ничего придумать, исписывал пачки листов одной фразой «Нечего писать».

Проблема у меня несколько другая. Я знаю, что нужно писать. Я не могу заставить себя начать писать. В «Виконте де Бражелоне» силач Портос иногда не мог заставить себя сдвинуться с места. Из-за этого и погиб.

Вот и я – хочу, знаю что, но не могу. Можно это назвать умственной импотенцией? Нельзя. Я надеюсь, что нельзя. У меня все в порядке. Я талантлив и удачлив.

Это аутогенная тренировка.

Кажется пошло. Первое слово сформировалось где-то в районе желудка и медленно стало подниматься к горлу. Немного похоже на приступ тошноты. Теперь главное – не спугнуть. Замереть, сцепить зубы, подняв руки над клавиатурой, и ждать. Еще секунда...

Зазвонил телефон. Я его себе поставил недавно. Ужасно страдал из-за того, что приходится для телефонного звонка выходить на улицу, чувствовал себя почти неполноценным, пока не водрузил телефонный аппарат на полку книжного стеллажа. А потом понял в очередной раз, что не бывает на свете полного счастья. Что подобно тому, как к любимой жене прилагается не менее любимая теща, так и к удобству домашнего телефона прилагается ужас несвоевременных звонков.

Первое слово, добравшееся уже почти до голосовых связок, замерло неуверенно, я закрыл глаза, тщетно надеясь, что телефон передумает и промолчит.

Телефон зазвонил снова. Гоголю, между прочим, никто и никогда не звонил во время работы над «Мертвыми душами».

– Да? – спросил я в телефонную трубку, встав из-за стола и подойдя к стеллажу. Я до сих пор не могу понять, почему не протяну телефонный шнур до письменного стола. На каждый звонок приходится вставать и идти полтора метра.

– Это я, папа, – сказал Сан Саныч.

В таких случаях я обычно отвечаю что, мол, не правда, что папа – это я, но на этот раз приходится обходиться без шуток. Сегодняшний вечер знаменателен не только моими писательскими потугами.

Сегодня мой старший сын не просто первый раз принял участие в политической борьбе, расклеивая листовки, призывающие всех голосовать за нынешнего президента, он не просто зарабатывал на этом деньги. Сегодня он получил свой первый привод в милицию.

Все, в общем, правильно. Нельзя изгаживать столбы, стены и заборы всякими политическими бумажками. Но за каждую такую политическую бумажку Сашке платят пятнадцать копеек. И триста наклеенных за вечер листовок гарантируют сорок пять гривен чистой прибыли. С этим приходится считаться.

Надо отдать должное нашей милиции. Она пресекла расклейку в самом начале, привезла моего сына в районный отдел и через пятнадцать минут выпустила его на все четыре стороны, уразумев, что в объяснении по поводу предосудительных действий Сашки будет значиться, что листовки он расклеивал в поддержку ныне действующего президента.

В общем, все нормально, Сашка уже успел добраться до лыжной базы, на которой работает моя сестра, а его тетя. И самое главное, о чем печалится мое чадо, что в милиции у него не отобрали листовки. Тогда бы он получил вознаграждение, не работая. Ему так было обещано. А теперь придется связываться с одним из предвыборных штабов, сообщать об инциденте, называть фамилию провинившегося милиционера и ждать дальнейших инструкций.

Приблизительно это я сообщил своему наследнику, положил трубку и попытался вернуться к столу. Первое слово, как это ни странно, не сбежало, а копошилось в пищеводе, решая, идти наверх, или бесследно раствориться в желудочном соке.

Я попытался вернуться к столу. Честно попытался, но очередной телефонный звонок срезал меня посреди комнаты.

– Да? – снова спросил я. Я всегда отвечаю «да», терпеть не могу рыхлое мещанское «але».

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался со мной голос, начисто лишенный помехами на линии каких-либо индивидуальных черт.

– Добрый вечер, – только из вежливости согласился я.

– Можно Сашу? – вот, этот неизвестный таки попался. Когда-то давно, из самых лучших побуждений, я дал своему сыну свое имя, и теперь за это расплачивается вся моя семья. Кто ж мог тогда, в восемьдесят пятом году, предположить, что маленькое создание, не дотянувшее в весе до четырех килограммов, к четырнадцати годам достигнет роста в метр восемьдесят девять, веса в восемьдесят килограммов, и тембра голоса, почти неотличимого от моего.

Так что, нас регулярно с ним путают по телефону, особенно, если не сообщают, какого именно Сашу им нужно, старшего или младшего.

– А вам старшего или младшего? – спросил я.

– Мне Александра Карловича, – чуть подумав, сообщил голос.

– Это я.

– Добрый вечер, – снова поздоровался голос.

– Добрый вечер, – снова поздоровался я.

– Мне ваш телефон дали в издательстве, – сообщил голос.

Я молча дождал продолжения. Знаем мы эти звонки. Особенно после того, как вышел мой бессмертный роман. Почти половина знакомых сочла своим долгом позвонить и назваться поклонником моего писательского таланта. От чужого имени, естественно, позвонить. От имени телестудии, с просьбой об интервью, или там от имени московского издательства. Потом все они начинали смеяться, решив, что таким образом очень тонко пошутили.

– Але? – напомнил о себе голос в телефонной трубке.

– Да, – подтвердил я свое присутствие в этом мире.

– Мне дали ваш телефон в издательстве.

– И что?

– Вы Заренко?

– А вы кто?

– Александр Карлович, меня зовут Николай, я проездом в Городе и хотел бы с вами поговорить.

– Автограф взять? – самое обидно было в том, что я не мог по голосу определить, кто именно меня пытается разыграть.

– Не, – немного растерянно, как мне показалось, сказал Николай.

– А что же вы хотели мне сообщить?

– Вы чем сейчас занимаетесь? – вопросом на вопрос ответил далекий Николай.

– Я сейчас разговариваю с вами по телефону.

– Я хотел спросить, у вас сейчас работа есть?

– Для вас? – я, вообще, могу вывести из равновесия практически любого, особенно, если заподозрю его в попытке розыгрыша.

– Для вас.

– В смысле?

– Вы хотите заработать? – проклятый телефон захрипел со свистом, и я с трудом разобрал эти странные, почти нереальные слова.

– Каким образом? – достаточно нелепо поинтересовался я.

– Значит, если хотите, то приезжайте сейчас в гостиницу «Турист», номер четыреста восьмой. Спросите Николая Фокина. Фо-ки-на, – мой собеседник уже почти кричал, понимая, что сквозь гвалт, нараставший в моей телефонной трубке, пробиться очень трудно. Одновременно говорили минимум три пары, где-то далеко шли короткие гудки и все это, словно ассорти соусом, было залито выпуском последних новостей государственного радио.

– Какой номер? – переспросил я на всякий случай.

– Четыреста восьмой. Я жду. – Николай повесил трубку.

Здравствуй, Дедушка Мороз. Ты подарки нам принес. И что-то там еще про бороду из ваты и нетрадиционную сексуальную ориентацию. По составленному кем-то сценарию, я сейчас должен был сорваться с места и лететь сквозь туман и слякоть в гостиницу «Турист», где меня дожидается, проездом, неизвестный мне доброжелатель Николай Фокин. И Фокин этот горит желанием предоставить мне работу.

Нет, он готов дать мне возможность заработать. Вот вы, Саша, и дожились, вам звонят поздно вечером и вызывают в гостиницу. И не говорят зачем. И нет никакой гарантии, что это не дружеский розыгрыш кого-нибудь из нашей команды грифов. Тот же Олег Пелипейченко уже довольно давно должен мне за шутку с Кристиной.

Но... Мой покойный тесть... Черт, как правильно говорить в таких случаях? С тещей и женой понятно, соответственно, бывшая жена и бывшая теща. А покойный тесть? Мой покойный бывший тесть? Ладно, проехали, мой тесть говорил иногда глубокомысленно, что есть такая буква «но».

Эта проклятая буква напоминала мне, что денег в доме нет, что Сашкин заработок, с которого я хотел стрельнуть хотя бы двадцатку на покупку картошки на базаре, временно накрылся, что долг мой внутрисемейный и внешний, достиг неприличного уровня в триста долларов, и что за учебу моего сына в гимназии не плачено уже около года. А это значило, что если мне назначат свидание в районе северного полюса, то я должен стать на лыжи и двинуться в направлении Полярной звезды.

Я с удивлением обнаружил, что топчусь возле стеллажа с телефонной трубкой в руках. Ехать, наверное, нужно. Предварительно только стоит на всякий случай позвонить в справочное и попытаться выяснить телефон четыреста восьмого номера в гостинице «Турист».

22 октября 1999 года, пятница, Будапешт, 20-00 по местному времени, универмаг «Корвин».

Возле самого входа в универмаг к Дмитрию и Сергею подошел разбитной паренек лет шестнадцати, описал вокруг них петлю, покрутил головой и, наконец, спросил:

– Сколько время?

Вопрос прозвучал по-русски. Дмитрий мельком глянул на Сергея, потом на паренька:

– Цо?

Паренек пожал плечами и отошел в сторону.

Дмитрий поглядел на ручные часы. Сергей рассматривал проходивших мимо людей, проводил взглядом пару симпатичных женщин. Внешне это выглядело так, будто туристы остановились на минуту, чтобы решить, заходить им в универмаг или двинуться по проспекту дальше, к Дунаю.

Из-за угла снова появился паренек. На этот раз он двигался значительно уверенней.

– Вы к Зимнему? – спросил он.

Дмитрий кивнул.

– Двигайте за мной, – приказал паренек и, не оглядываясь, пошел, оглябая освещенное здание «Корвина». Дмитрий шел в метре от провожатого, Сергей держался метрах в пяти сзади.

Сергея раздражала эта нелепая игра в конспирацию. Он знал, что приехал к уголовнику, что тот работает на их службу не по доброй воле, и что дело, ради которого ему, Сергею, пришлось бросить молодую жену на второй день после свадьбы, не может быть ни особо важным, ни особо сложным. Главным доказательством этого был тот факт, что послали именно их, без подготовки, без особого инструктажа.

Приехать, встретиться, поговорить, ждать дальнейших указаний.

Сергей, не выпуская из поля зрения своего напарника, фиксировал лица и фигуры прохожих, пытался определить для себя возможные источники угрозы. Автоматически, отдавая долг вьезшейся привычке.

В практически пустом переулке, в пятидесяти метрах от проспекта и универмага, их ждал автомобиль.

Конечно же, «мерседес» и, конечно же, шестисотый. Сергей хмыкнул. Даже выбравшись в Европу, наши пацаны чисто не могут в натуре изменить своих привычек. Эти дебилы из Европы и Америки просто не могут сообразить, что завоевательный поход восточных славян на западную культуру уже начался. И через пятьдесят лет где-нибудь в Брюсселе будет собираться всеевропейский сходняк, под эмблемой растопыренных пальцев на золотом фоне.

И на постаментах по всему миру, словно тридцатичетверки Второй мировой, будут стоять шестисотые «мерседесы».

Дверца «мерса» открылась, с места водителя вышел двухметровый интеллект и огляделся по сторонам. Открыл заднюю дверцу и оглянулся на Дмитрия.

Тот поднял правую руку, приказывая Сергею ждать, а сам сел в машину. Дверца захлопнулась.

Водитель не вернулся на свое место, а, не торопясь, стал прохаживаться возле машины – десять шагов туда, десять – обратно.

Паренек-проводник вернулся к проспекту.

Сергей очень хотел закурить, но не стал этого делать. Переулок освещался плохо, и лишний раз освещать себя было, мягко говоря, не осторожно.

Прошло пять минут.

Со стороны проспекта появился человек. Мужчина среднего роста, в длинном пальто. Руки пустые. Сергей отошел к дому и встал возле самого подъезда. Не стоит создавать толкучки, подумал он, достаточно и того, что эта дылда марширует по проезжей части.

Прохожий спокойно миновал машину. Сергей проводил его взглядом.

Прошло еще пять минут. За это время по переулку проехало две машины. Словно и нет в пятидесяти метрах забитого транспортом проспекта.

Разговорились, подумал Сергей. Им там хорошо, тепло. Везет Димке...

Взрыв превратил «мерседес» в комок огня. Сергей сразу и не услышал звука. Только яркая вспышка. Яркая оглушающая вспышка. Бесшумно взметнулось пламя, разбрасывая искры и брызги во все стороны.

О стену рядом с Сергеем что-то тяжело шмякнулось. Водитель, отстраненно подумал Сергей. Слишком близко стоял возле машины. Потом вяло шевельнулась мысль о том, что в огне только что погиб Димка.

Погиб. Димка. Погиб.

А это значило, что задание оказалось ни простым, ни безопасным.

Кто-то пронзительно закричал. Наверное, задело вылетевшими оконными стеклами, автоматически подумал Сергей, медленно двигаясь вдоль стены. Нужно уходить.

Эта мысль подтолкнула его. Нужно немедленно уходить из города. Из страны. Немедленно. И связаться с Москвой.

Из домов стали выбегать люди. Но машину никто не пытался гасить. Какая-то женщина натолкнулась на обезображенный труп водителя и закричала, не в силах отвести взгляд от

залитого кровью тела, повисшего в полупоклоне на каком-то крюке, торчавшем из стены возле самого подъезда.

22 октября 1999 года, пятница, 20-00 по Киеву, Город, гостиница «Турист».

Это оказалась правдой. Меня никто не разыгрывал, и когда я дозвонился до четыреста восьмого номера гостиницы «Турист», мне ответил немного удивленный и даже слегка раздраженный голос Николая Фокина.

Я уточнил, до какого времени меня будут ждать, получил заверения, что до самого утра, попрощался, швырнул телефонную трубку и бросился одеваться.

Надо торопиться. Черт с ним, с ненайденным словом. Завтра. Слова приходят и уходят, а кушать хочется всегда. И я побежал.

Мне удалось выдержать хороший темп ходьбы, я успел добежать до автобуса, поезд метро прибыл к платформе одновременно со мной, и в гостиницу меня также пропустили без проволочек. Так уж у меня сложилось в биографии. Бывает, как зарядит невезение, так хоть волком вой, хоть головой в стенку бейся, а только все равно не успеешь, не попадешь, не встретишься. Но если удастся попасть в струю, то там только держись, все будет складываться одно к одному, как в хорошо отрепетированном спектакле.

Это потом уже понимаешь, что лучше бы ничего не получалась. Это вообще очень философский вопрос. Вот, например, сломал ногу и не смог поехать в круиз. Не повезло? А если круиз на «Титанике»?

Успокаивает только то, что от меня это все равно не зависит. И, как совершенно правильно мне говорит в тяжелые минуты Алиска, что ни случается, все к лучшему. Особенно, если не случается, добавляю в таких случаях я.

На мой стук в дверь гостиничного номера ответили сразу.

– Входите, – прокричал изнутри голос, в котором я узнал голос своего телефонного собеседника. Сразу стало понятно, что невыразительным этот голос был не потому, что его искажали помехи. Невыразительным он был по жизни. Это трудно описать, голос этот был словно вырезан из бумаги.

Я вошел в номер и обнаружил, что и внешность моего собеседника вырезана из бумаги. Из выгоревшей на солнце бумаги. Блеклая кожа, покрытая мелкими, словно на резиновой игрушке, морщинками, пегие волосы, утратившие право называться рыжими, но еще не получившие статуса седых и гутаперчивая улыбка.

Как потом оказалось, Фокину приходилось прилагать усилия не к тому, чтобы улыбнуться, а к тому, чтобы эту улыбку погасить. Хотя, слово «погасить», не подходило к этому процессу. Тут лучше подошло бы что-нибудь техническое – сократить, выключить, обесточить.

– Вы, по-видимому, Александр Карлович Заренко, – почти восхищенным голосом вскричал Фокин, которого я тут же окрестил про себя Пегим.

И от голоса, и от внешности Пегого сразу потянуло неискренностью. Во всяком случае, прежде чем переспрашивать меня о моих фамилии и имени, ему стоило убрать со стола книгу «Игра в темную», с моей фамилией на первой обложке и фотографией на последней.

– Да, это я, – сообщил я. – А вы – Николай Фокин.

– Совершенно верно, – Пегий встал со стула и протянул мне руку, которая на ощупь оказалась упруго-резиновой, – присаживайтесь. Выпьете чего-нибудь с дороги? Закурите?

Я поблагодарил, отказался, сообщил, что не курю и не пью, никогда, ни за что, не по болезни, а потому, что просто не нравится. Не переношу вкуса алкоголя. Подобные объяснения меня просто достали. Изо дня в день, из компании в компанию. Как не пьешь? Совсем? А может, чуть-чуть? Нет?

Ритуал знакомства и вхождения в компанию. Был у меня в связи с этим презабавный эпизод. Решили все мои соратники по Дому пионеров заставить меня выпить. Директриса заявила, что я с ней поспорил, будто выпью бутылку водки один, остальные поддержали, что да, что они свидетели, что нельзя уклоняться. И я согласился.

На очередном выезде на природу мне пришлось принять бутылку водки небольшими порциями и продемонстрировать, что на меня она никак не действует. И вот только после того, как я эту бутылку выпил, мне поверили раз и навсегда, что я действительно не пью. Вот и называй после этого человека существом разумным и логичным.

– Что? – пришлось переспросить мне Пегего. Слишком я увлекаюсь иногда воспоминаниями. К старости, должно быть.

– Я спросил вас, можете ли вы уделить мне несколько часов вашего времени? – вежливо повторил свой вопрос Пегий. Слишком вежливо. Непривычно вежливо.

– Э-э... – протянул я, натужно пытаюсь сформулировать приличный ответ, включающий в себя одновременно и согласие, и намек на то, что за деньги они могут рассчитывать на любое количество моего бесценного времени. Что с людьми делает отсутствие работы и денег!

– Не бесплатно, – по-своему расценил Пегий мое нечленораздельное утверждение. – Поймите меня правильно, я должен вначале убедиться, что нам есть смысл говорить о тесном сотрудничестве. И только потом уже оговаривать, какую конкретно работу мы можем вам предложить. Сегодня я хотел бы просить вас о двух-трех часах. Вам хватит сотни?

Я слотнул. Руки нехорошо задрожали.

– Долларов, – продолжил Пегий.

Я выдохнул, надеясь, что сделал это не очень громко.

– За час, – закончил этот садист.

«Кого нужно убить?» – чуть не ляпнул я сгоряча.

– Вы согласны?

– Да.

Еще бы, я был не просто согласен, я просто горел желанием проговорить с этим гутаперчивым пегим великовозрастным мальчиком хоть сутки, хоть двое.

– Первые два часа я оплачиваю вперед, – провозгласил Пегий и жестом профессионального фокусника шлепнул на стол две купюры по сто долларов.

Я с трудом подавил в себе хватательный рефлекс. Мы, конечно, бедные, но остатки чести в нас еще...

– Заберите их, пожалуйста, со стола. Вдруг кто-нибудь войдет.

И я деньги спрятал в карман, но не из жадности, а по просьбе приятного человека, оказал ему услугу.

Две хрустящих тонких бумажки с портретами всемирно любимых американских президентов.

– О чем вы хотели поговорить? – спросил я.

– О работе, исключительно о работе, – улыбнулся Пегий.

Черт, только в этот момент я понял, что теперь мне очень трудно будет беседовать с Пегим. Теперь я просто не смогу съязвить в нужный момент, теперь я буду терпеливо пережидать паузы и дисциплинированно вставлять служебные, связующие диалог, реплики, такие, как, например, эта:

– О какой именно работе?

Пегий снова улыбнулся. Такое впечатление, что зубы просто распирают изнутри его губы, как у японских шпионов в старых советских фильмах. Кстати, о шпионах. Я напрягся.

– Я несколько раз перечитал вашу книгу, Александр Карлович...

– Да? И как она вам? – я спросил это автоматически, как спросил бы у любого другого читателя. В данном случае вообще подразумевалось, что моя книга Пегому безумно понравилась, раз уж он решил мне предложить работу.

– Нет, не понравилась, – и снова улыбка. Губы при этом не растягиваются в стороны полумесяцем, а норовят принять округлую форму.

– И чем же?

– Просто не понравилась. Я не люблю детективы. Не переношу их. Всегда был уверен, что никто так безбожно не врет, как писатели-детективщики. Ну и еще те, кто пишет о любви.

– Почему сразу врут? Придумывают. И часто даже пишут о совершенно реальных событиях. На основе личного опыта.

– Ну да, – Пегий взял со стола мою книгу и прочитал из абзаца под моей фотографией, – во многом основана на личном опыте журналистской работы.

Писателя каждый обидеть может. А понять его, оценить по достоинству. И в большой степени фраза эта соответствует действительности. Даже в большей, чем мне хотелось, степени.

Приблизительно так я и ответил на этот неприличный выпад.

– Хорошо, – согласился Фокин, – там, где о газете и о вашей личной жизни – очень похоже на правду. Может быть, вы напрасно так открыто написали о своем личном. Но...

– Что «но»?

– Вы не станете отрицать, что ни происшедшее в Боснии и Чечне, ни, тем более, в Российских и Украинских спецслужбах, вы не могли писать с личного опыта? Так ведь?

– А... – я, как мне показалось, вовремя, вцепился в свой болтливый язык и втянул его туда, где ему и положено было находиться, за зубы.

– Я не расслышал, – пожаловался Пегий.

В эту минуту я приблизительно представил себе, что ощущает карась, проглотивший жирного червяка и обнаруживший при переваривании, что в закуске был изогнутый кусок зазубренной стали. Я не хочу говорить на эту тему. Я не могу говорить об этом. Я не желаю. Я должен просто сейчас встать и уйти. Выплюнуть долларовый крючок и убраться в слякоть и темноту. Я должен. Но не могу.

– Все выглядит так, будто вы просто взяли и облепили свою биографию вымышленными событиями. Так? – Пегий не заметил, или сделал вид, что не заметил моих эмоций.

– Так, – кивнул я.

Такой вариант для меня наименее болезненный. Есть шанс, что на этом мы перестанем топтать тропинку в сторону минного поля. В голове зашумело и стало мерзко давить в затылке. Давление, батюшка, вы должны постоянно помнить о своем давлении.

– Так, – удовлетворенно протянул Пегий, не сводя с меня своих оловянных глаз, – тогда не понятно, почему так много совпадений.

– Совпадений? – переспросил я. Мы все-таки вошли на заминированный участок. Господи, ну как его остановить? Или как остановиться самому? И самое дурацкое, ведь есть замечательный выход, сунуть ему назад эти проклятые доллары...

– Совпадения. Вот, например, вы назвали некоторые фирмы и банки. Фамилии. Они действовали в вашем выдуманном сюжете, но ведь они существовали на самом деле. И этот ваш нехороший предприниматель был действительно убит в Запорожье именно так, как вы описали. А Артем Игнатьевич Мороз, так тот вообще...

– Какой Артем Игнатьевич Мороз? – быстро переспросил я.

Голову стянуло обручем. Все время после выхода книги я ждал, что рано или поздно такой разговор состоится. Я даже спросил тогда у Петрова, что мне делать в этом случае. И Петров, украинский военный контрразведчик Петров, улыбнувшись, сказал, что этого не может быть в принципе. Приблизительно также высказался российский шпион Михаил, даже фами-

лии которого я так и не узнал. Но оба они, получается, ошиблись. Разговор состоялся. Он происходит сейчас.

– Артем Игнатьевич Мороз. Или Зимний, если вам удобнее кличка. Вы о нем тоже писали. Этот уважаемый и авторитетный человек, – ударение было сделано на «авторитетный», – у вас вначале вынужден работать на некий международный заговор, а потом был выведен из игры совместными усилиями украинских и российских спецслужб, переведен, оказал неоценимые услуги по предотвращению военного переворота в России, а потом вы рекомендовали отправить его в ближнее зарубежье, чтобы через него контролировать русскую мафию. Ну, или что-то в этом роде.

Я промолчал. Все это действительно было в моем романе, и все это действительно не было совпадением. И я действительно не мог об этом знать.

– И что Артем Игнатьевич? – смог я выдавить из себя.

– Ничего. Сейчас он живет в Будапеште. У него все в порядке. Очень хорошие отношения с русской и украинской мафиями. С мадыарской, кстати, тоже все нормально. Его даже не трогают местные власти, потому что для них, он гарант порядка в очень взрывоопасной среде наших соотечественников. И все это, во многом, благодаря вам. Вернее, вашему роману.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Пусть говорит что угодно. Пусть говорит. Лишь бы не вынул сейчас из кармана ствол... Или не стал угрожать моим родным. Мне – пусть. Лишь бы не Сан Санычу, матери и сестре.

– Он вам, кстати, передает поклон, – картонный голос Пегего летал где-то под потолком, а слова картонным конфетти падали вниз, покрывая все толстым слоем нелепых звуков.

– Спасибо, – это уже мой голос, он тоже из картона, он тоже звучит издалека.

Два картонных самолетика кружат вокруг лампы под потолком. Кружат, кружат, кружат...

– Но я хотел с вами поговорить не об этом. Я хотел с вами поговорить вот о чем.

Я открыл глаза. Пегий тактично смотрел в сторону.

– Совершенно понятно, что вы по какой-то причине получили информацию от неких спецслужб для написания этого романа. Это значит, что вы, во-первых, им известны, во-вторых, пользуетесь некоторым запасом доверия, а, в третьих, если приметесь писать новый роман на детективно-политическом материале, то это будет воспринято просто, как продолжение вашей литературной деятельности.

– Вы что, хотите, чтобы я написал книгу...

– Именно. Мне нужно, чтобы вы написали книгу, которая будет иметь все признаки правды, но на самом деле таковой не будет. Это в общих словах. Финт наоборот. Ваш первый роман должен был выглядеть придуманным, оставаясь, по сути, правдой, а новый роман должен быть похож на правду, оставаясь вымыслом. Насколько я помню, это вы написали в одной своей статье, запущенной в Фидонет, что литература начинается там, где вымысел перестает быть ложью? Вот у вас будет такой шанс. И кроме всего прочего, вы получите очень неплохие деньги. Очень-очень неплохие.

Николай Фокин, мужчина неопределенного возраста с неопределенной внешностью, повадками адвоката и хваткой бультерьера, снова демонстрировал свою улыбку. И ждал от меня ответа. И ждал ответа.

А я думал. В последнюю секунду все как-то вывернулось непонятным образом. Не было намеков и скрытых угроз, было деловое предложение, которое мне нужно было рассмотреть.

– Тема? – спросил я.

– Сейчас сказать не могу. Внутренняя и международная политика. Украина и Россия. Может быть, те же персонажи.

– Объем?

– Не знаю. Страниц – штук пятьсот-шестьсот.

– Сроки?

– К началу мая книга должна быть написана.

Я стал загибать пальцы, пересчитывая месяцы:

– Семь месяцев.

– Семь месяцев, – подтвердил Пегий. – Триста долларов в месяц, наличными. Расходы на поездки, если понадобится. Сам договор будет подписан после предоставления рукописи. Вам нужно подумать?

– Нужно. Подумать, – проговорил я, хотя внутри у меня все орало: «Соглашайся!». Соглашайся немедленно. Это шанс отдать все долги. Это шанс отправить всех моих на море летом. Это просто шанс не подохнуть с голоду.

– Мне нужно подумать, – повторил я.

– Сколько времени вам нужно на размышления? – осведомился Пегий.

– Заказчик ведь не вы? – эта мысль пришла мне в голову так быстро, что я даже не успел заставить себя заткнуться.

– С чего вы взяли? Я что, не похож на серьезного заказчика? – как я успел возненавидеть эту улыбку и это лицо.

Хотя, как человек порядочный и благодарный, должен бы испытывать к Николаю Фокину хотя бы чувство признательности, если не благодарности. «Но ведь ты все равно себя не переделаешь», – как верно подметил руководитель моей дипломной работы, когда выяснилось, что у меня нет ссылок на роль компартии в развитии советской научной фантастики, и когда обнаружилось, что я в автореферате не обзываю своего научного оппонента разве что дегенератом и не перехожу к нецензурной брани.

– Вы похожи на адвоката из американского боевика, – мне удалось вовремя снять с языка определение «продажного адвоката», но, похоже, Пегий все понял по интонации.

– Отдаю должное вашей проницательности. Действительно, заказчик будет с вами общаться только после того, как вы дадите свое принципиальное согласие. На всякий случай. Сколько времени вам нужно на размышления?

– Если я вам скажу, что согласен немедленно, вам придется признать, что ваш таинственный заказчик находится где-то здесь, в гостинице. Или где-то рядом, – я несколько привык к тому, что в кармане у меня лежат деньги. Наверное, из-за того, что оплаченное время разговора уже подходило к концу.

– А вы готовы ответить прямо сейчас?

– Нет, завтра с утра. Сами знаете, с мыслью нужно переспать.

– Тогда я вас жду здесь же завтра, к десяти часам утра. В любом случае, ваш приезд будет оплачен в размере ста долларов. Но мне бы очень хотелось, чтобы вы сказали «да». Итак, – Пегий встал со стула.

Вслед за ним поднялся и я.

– До завтра, – сказал Пегий.

– До завтра, – сказал я и отправился к двери.

– Минуточку! – остановил меня Пегий.

– Да?

– Мы с вами немного просрочили время беседы. Наш разговор, вместе с телефонным, занял ровно два часа и десять минут. С меня еще сто долларов.

У меня хватило мужества сделать небрежный жест:

– Не нужно, десять минут туда, десять сюда.

Лицо Николая Фокина стало жестким:

– У меня очень твердые инструкции от моего клиента. Возьмите, пожалуйста, деньги.

И я не смог отказаться. Не потому, что очень хотел взять эти сто долларов. Я просто почувствовал в словах Пегего непоколебимое желание сделать это. Выполнить волю того, кого он назвал своим клиентом.

Я спрятал третью купюру к первым двум, спустился в холл.

Спустился на станцию метро «Маршала Жукова». Чувство нереальности происшедшего не отпускало меня. Я знал, что должен был или радоваться, либо ужасаться. Но вместо этого, я стоял на перроне и думал. Пегий, продажный адвокат Николай Фокин, так щепетильно относится к своим обязанностям, или так боится своего клиента?

Лучше бы – первое.

И вторая мысль: где найти обменный пункт, который работает так поздно, чтобы обменять сотню.

23 октября 1999 года, суббота, 3-00, Москва.

Михаил открыл дверь явочной квартиры своим ключом. Свет горел на кухне. Туда, аккуратно вытерев ноги, Михаил и прошел. Виктор Николаевич сидел на табурете, прислонившись спиной к стене. Он не открыл глаз даже тогда, когда Михаил со стуком подвинул к столу другой табурет и сел.

– Вы все это заранее предполагали? – не открывая глаз, спросил Виктор Николаевич.

– Вы о чем? – поинтересовался Михаил.

– Я о Будапеште. Час назад пришло сообщение, – устало сказал Виктор Николаевич. – Зимний убит во время встречи с людьми Игоря Петровича.

– Оба?

– Один. Повезло.

– Повезло.

– А теперь возвращаемся к моему первому вопросу. Вы это с самого начала предполагали?

– Да. Не это конкретно, но нечто подобное. Думал, что все может обойтись без крови.

– Каким образом?

– Элементарным, – сказал спокойно Михаил и когда Виктор Николаевич открыл глаза и взглянул на него, повторил, – элементарным. Представим себе, что кто-то, скажем, группа очень богатых людей решила скинуться деньгами и нанять некоего специалиста для выполнения очень важной работы. Важной для них.

Кто-то, опять-таки, неизвестный, подбрасывает нам информацию об этом заказе. Нам сообщается только цель операции. И цель эта – устранение России, ни много, ни мало, с политической арены как мировой державы. Или, как минимум, нанесение максимального ущерба, политического, экономического, экологического... Ну, и так далее...

– И так далее, – пробормотал Виктор Николаевич.

– Кто нам послал сообщение? Друг или враг?

– А врагу зачем?

– Это вы меня проверяете? – спросил Михаил.

– Это я себя проверяю, – недовольным тоном сказал Виктор Николаевич. – Продолжайте.

– Друг, понятно, хочет нас предупредить. А враг, как это ни прискорбно, тоже хочет нас предупредить. Ему это нужно для того, чтобы заставить нас действовать. Начать гонку, устраивать облавы, ставить засады, ужесточить визовый режим, ну, и прочие глупости.

Он хочет, чтобы мы любое происшествие приписывали его действиям, любой сбой, любой пожар, любая авария...

– Лаконичнее, Миша. Любое происшествие.

– Любое происшествие. Время от времени этот враг будет подогревать общую обстановку своими акциями, силовыми или информационными.

– И что ему это даст?

– Как минимум, он таким образом практически парализует нашу систему обнаружения и поиска. Наш «Спектр».

– Наш и украинский. Он у нас общий.

– Мы настроены реагировать на шевеление нашей сети, любое единичное движение будет засечено и пресечено, извините за выпендреж. Но если завибрирует вся сеть, каждая ее клеточка, мы не сможем понять, какая из движущихся точек – реальная опасность. И если мы будем знать, что нам угрожают, то мы будем больше нервничать.

– Принято. Далее.

– Далее, информацию нам передали через Зимнего, уголовника, о котором все знают, что он работает под нашим контролем.

– Вашими стараниями знают, между прочим.

– И моими тоже, – согласился Михаил.

– Зимнему сбрасывают информацию и начинают ждать, когда мы обратимся к нему за пояснением. Ведь был шанс, хоть минимальный, что мы ему не поверим. Был. Они дождались наших людей и нанесли удар...

– А если бы мы вызвали Зимнего сюда, или еще куда-нибудь?

– Не вызвали бы. Нам это с вами даже в голову не пришло, вспомните? Это не наш стиль. К тому же, Зимний мог просто сюда не приехать. И кроме этого, его бы просто убили, как в Будапеште. Мы бы все равно поняли этот сигнал.

– А как вы расценили то, что произошло в Будапеште?

– Война объявлена, больше переговоров не будет. Все нитки обрублены.

– И что мы будем делать дальше?

– Вот это вопрос.

Виктор Николаевич засмеялся:

– Странный вы человек, Михаил, вызвал вас сюда, чтобы вздрючить, а выходит, что мы просто обмениваемся мнениями. Как вам это удается?

– А я учусь, Виктор Николаевич. Как положено, у непосредственного начальства. Вот у вас, например.

– Н-да, – протянул Виктор Николаевич, – тяжело с вами, Михаил.

– Но вы согласитесь со мной, что с вами я бываю лишь время от времени, а сам с собой общаюсь круглосуточно. Мне тяжелее.

– Что с вашими кандидатами на роль террористов? Вы обещали расширить список.

Михаил вынул из внутреннего кармана пальто сложенный вдвое лист бумаги:

– Пожалуйста, сейчас мы плотно ведем шестерых. Еще трех должны обложить на днях.

– Почему не брали?

– Ждал результата поездки к Зимнему.

– Зачем?

– Нам бросили вызов. Теперь, судя по всему, мы должны начать реагировать. Мы поверили в серьезность их намерений и теперь должны бросаться в бой. Первые, на кого мы должны отреагировать, это именно те, кто начал трясти «Спектр». Тех самых потенциальных террористов, как вы изволили выразиться.

– Может, есть смысл просто за ними понаблюдать?

– Нет смысла. Наоборот, как только мы начнем хватать и уничтожать, наш противник поймет, что мы действуем по его либретто. Опера «Армагеддон».

– Да вы поэт, Михаил.

– Я подполковник, Виктор Николаевич, а поэтами могут быть только офицеры до поручика включительно. Потом поэтический дар отмирает, как рудимент.

– По моим сведениям, Михаил, стихами балуются некоторые очень высокопоставленные чиновники...

– И среди них даже бывший премьер – министр, – подхватил Михаил, – но вы же благородный человек, вы ведь не станете говорить им обо мне, а мне не станете говорить, будто то, что они рифмуют, вы на полном серьезе называете поэзией.

– Не буду, не бойтесь. Вернемся лучше к «Армагеддону». Вы планируете брать всех, до кого дотянетесь?

– Почти всех. А некоторых отпускать. При самых фантастических обстоятельствах. И смотреть, как их будут устранять наши противники. Тройной обрез вещь, конечно, надежная, но хлопотная. Может быть, какой-никакой след оставят. И кроме этого, у потенциальных наемников должна пропасть охота вербоваться в условиях повышенной смертности. А это заставит Врага запускать все новых и новых людей.

– Так мы их всех и уничтожим, – скептически усмехнулся Виктор Николаевич.

– Не всех, но многих. И здесь мне очень важно получить от вас большую свободу действий, как на нашей территории, так и на любой другой.

– Вы меня пугаете, Михаил. Надеюсь, в Новую Зеландию вы командировок выписывать не станете?

– Не могу обещать.

– Ладно, Миша. Все, что вы мне сейчас рассказали, сходится с тем, что накопал я и мои аналитики. Это обнадеживает. Информация к Премьеру попала, он воспринял ее серьезно. Мы получили добро на максимально жесткие действия. Связались с Украиной. Со скрипом, но нам пошли навстречу. И работать с вами будет та группа, которая работала по Зимнему в девяносто пятом. Вы получите максимальное содействие.

– Это значит, – лицо Михаила напряглось.

– Это значит, что именно вы работаете непосредственно против Врага.

– С большой буквы?

– С большой буквы. Врага. Раз уж «Армагеддон» у нас пошел...

– Тогда мне придется называться мессией, а я не хочу богохульствовать. При нашей работе лучше ни с кем не портить отношений.

– Уже слишком поздно для шуток, – сказал Виктор Николаевич.

– Или слишком рано.

– Как бы то ни было, Миша, я воспользуюсь правом старшего по званию и останусь ночевать здесь, а вам придется ехать куда угодно.

– Как хорошо быть генералом.

– Очень хорошо, – согласился Виктор Николаевич, – одни подчиненные чего стоят.

– Я могу идти?

– Минутку. Сегодня, не позднее полудня, вы должны быть у меня с подготовленным планом действий. И начинайте хватать супостатов. Если хватать не получится – мочите. Хоть в туалетах.

Михаил засмеялся.

– К выражениям высоких и влиятельных людей нужно относиться с пиететом, трепетно, – напомнил Виктор Николаевич.

– Понял, разрешите идти?

– Еще минуту. У меня уже становится привычкой проводить над вами психологические эксперименты.

– Пожалейте, Виктор Николаевич, отпустите душу на покаяние.

– Вы посылали своих людей в Будапешт? Ведь посылали? Проследить за встречей с Зимним?

Михаил не отвел взгляда, кивнул.

– И когда вы собирались мне об этом докладывать?

– Сегодня вечером.

– Почему сегодня вечером?

– Когда получу видеозапись взрыва.

– Вот даже как... – протянул Виктор Николаевич.

– Я могу идти? – спросил Михаил.

– Идите.

Подождав, пока закроется дверь, Виктор Николаевич встал с табурета и зажег огонь под чайником. Тихо скрипнула кухонная дверь.

– Ну и как тебе наш разговор, Игорь? – поинтересовался Виктор Николаевич.

– Все как всегда в нашей конторе. Никто никому не доверяет, и каждый держит либо фигу в кармане, либо камень за пазухой, либо тузы в рукаве, – присаживаясь к столу, сказал Игорь Петрович.

– И ему совершенно не жалко твоего погибшего.

– А тебе его жалко? И если бы мы с тобой точно знали, что его убьют, мы что, отменили бы поездку в Венгрию?

– Вот это и страшно.

– Ничего, твой Михаил парень толковый, справится. А если что, мы ему поможем.

– И проконтролируем.

– И проконтролируем, – согласился Игорь Петрович.

Глава 2.

23 октября 1999 года, суббота, 6-00, Москва.

Когда дверь в комнату распахнулась, мужчина, спавший на диване, вскочил. В руках мужчины оказался пистолет. Раздался выстрел. Пуля расколола зеркало, висевшее в коридоре напротив двери.

Держа дверь на прицеле, мужчина левой рукой нашарил куртку, висевшую на стуле, потянул к себе. Со звоном разлетелось оконное стекло у него за стеной. Мужчина резко обернулся, выстрелил в оконный проем, потом снова посмотрел на дверь, но было уже поздно. Темный силуэт словно впорхнул в комнату над самым полом, перекатился и замер.

Раздалось два тихих щелчка – пистолет ворвавшегося был снабжен глушителем. Две пули раздробили стоявшему посреди комнаты мужчине коленные чашечки и опрокинули его на пол. Раненный вскрикнул и замер неподвижно.

Стрелявший поднялся с пола, продолжая держать лежащего на прицеле. В комнату вошли еще двое. Один подобрал пистолет раненого, присел на корточки возле него:

– Без сознания.

– Болевой шок, – сказал второй, – коленки можно отправлять в утиль.

– Быстро инъекцию, перевязку и на базу.

– А хозяина дома?

– Хозяина – тоже на базу. Участковому скажи, что был задержан опасный преступник, намекни – чеченец. И по дому пошарьте, только без понятых.

Раненный пошевелился, вначале застонал, потом стон перешел в крик.

– Давайте быстрее, – сказал один из вошедших, – кровью ведь может истечь.

Потом оба вышли из дома на крыльцо.

– Холодно, – сказал один.

– Холодно, – согласился второй.

– Ну его на хрен такие задержания, – задумчиво сказал первый.

Второй промолчал.

– Я ведь предупреждал, что мужик успеет встать. Какого хрена нужно было устраивать перестрелку? Взяли бы чисто... А так Жорка мог свободно нарваться на пулю.

– Мог, – согласился второй, прикуривая, – но не нарвался. Мужик встать успел, а проснуться – нет. Спать лег только в пять утра.

Мимо них пронесли носилки, через минуту на этих носилках вынесли раненого. Через заднюю дверцу погрузили носилки в машину «скорой помощи».

– Время, – сказал первый, взглянув на часы, – поехали.

23 октября 1999 года, суббота, 5-00 по Киеву, Город.

Мне приснился запах. Вернее, я проснулся от того, что мне приснился запах. У каждого свой ночной кошмар. Кто-то всю ночь добросовестно бежит от бестелесного черного человека, кого-то душит нечистая сила, а кто-то пытается выбраться из лабиринта и не может. А кто-то... Сколько я слышал рассказов о ночных кошмарах от разных людей, и практически ни одного похожего.

А мне не снятся черные тени или клубки змей. Ко мне приходит запах. Нет, это не значит, что я ничего не вижу в своем кошмаре. Все как положено – я иду по ночному лесу. По ночному мартовскому лесу. Кто-то идет рядом со мной, но я его не вижу. Только луч фонаря прыгает

по палой листве, скрученным подагрой веткам кустарника и блестящим испариной стволам деревьев.

Потом в световое пятно попадает что-то пронзительно алое. Какие-то брызги, клочки, тряпки. Потом я понимаю, каждый раз заново понимаю, что это тела людей. Тела, истерзанные пулями. И каждый раз я во сне осознаю, что не сам это понял, что кто-то мне подсказал то, что люди, лежащие на прошлогодних листьях, были в упор расстреляны всего несколько минут назад.

И еще я вспоминаю, что эти расстрелянные шли убивать меня. Но ни эта мысль, ни вид крови не пугает меня. Просто сразу после этого я вдруг начинаю чувствовать запах. Смесь запаха мокрых слежавшихся листьев, неприятного запаха сгоревшего пороха и еще...

Запах свежего мяса. Так пахнут свежеразделанные туши. И в этот момент я просыпаюсь. Раз за разом, из ночи в ночь.

Хорошо еще, что я не кричу во сне. Просто внезапно снова оказываюсь в своей постели, сердце колотится, а электрические часы демонстрируют услужливо красные цифры – сегодня, вы, Сашенька, проснулись в пять утра.

Есть свои преимущества в том, что я сплю один. Не нужно объяснять никому, отчего это я вдруг так вскидываюсь. Ни от чего. Просто так. Нравится мне вздрагивать среди ночи и нашаривать дрожащей рукой выключатель от лампы, висящей у меня в головах.

И невозможно к этому кошмару привыкнуть, потому что каждый раз я переживаю его как бы заново. И как бы я себе не внушал, что это только сон, что все это не на самом деле, но ничего не могу с собой поделать.

Может быть, это еще потому, что все это действительно было со мной – и этот темный лес, и залитые кровью тела, и запах...

Черт, не нужно об этом. Просто забыть. Успокоиться и забыть. Заняться чем-нибудь бытовым, приземленным. Сходить, например, в туалет. Или пойти на кухню попить воды.

Я даже откинул в сторону одеяло. А потом замер. Я вспомнил, почему мне сегодняшней сеанс кошмара показался таким странным. Это впервые он приходил ко мне дважды за ночь.

Точно, у меня уже колотилось сердце этой ночью, я уже пялился испуганными глазами на часы. Только на них было три часа ночи. Я тогда просто не проснулся до конца. Вывалился в реальность, помаялся несколько секунд и снова сполз в сновидение. Только для того, чтобы снова почувствовать запах свежей растерзанной плоти.

Пять утра. Это значит, что если я попытаюсь снова заснуть, то к семи часам меня снова может ожидать свидание с ужасом. Нет, спасибо. Лучше подумать о чем-нибудь спокойном и миротворенном. Или о просто хорошем. О деньгах, например.

О том, что сегодня я смогу встретиться с безумцем, который решил заказать мне книгу. Книгу. И готов заплатить мне деньги. То, что я возьмусь за эту работу, мне стало понятно еще в гостинице.

Плывать, что пегий адвокат слишком информирован. Плывать.

Хотя, интересно было узнать, откуда он так много обо мне знает? Просто вычислил? Не верю.

Я вообще почти перестал верить людям с весны девяносто пятого. Оказалось, что так меньше шансов получить плевков в душу. Оказалась, что так меньше шансов быть обманутым. Только легче от этого не стало.

Грустно видеть, как жизнь, не торопясь, перетерает твои мечты, иллюзии и надежды. И она оказалась жутко ленивой особой, эта жизнь. Некогда ей выбирать по крупинкам из моего мирка что-то одно. Широким жестом сгребает жизнь все, что имеет мало-мальскую ценность – и пошли шуршать жернова. В пыль, в песок...

И я словно раздвоился. С одной стороны, я продолжал понимать, что даже разводясь с женой, нужно оставаться порядочным человеком, что стоило бы сохранить хотя бы видимость

того, что когда-то называлось любовью, а вторая половина безжалостно тычет пальцем в язвы. И приходится переживать суд, и раздел имущества, и жуткий разговор со старшим сыном, которому теперь нужно решить, с кем жить дальше – с папой или мамой. И десятилетний мальчишка выбирает...

Господи, но почему мы не можем просто забывать прошлое. Или нет, почему мы забываем только хорошее? Или опять нет, почему нам не дано выбирать, что помнить, а что забывать?

Или нужно научиться забывать все? Есть великолепная болезнь, называется склероз. Ничего не болит и каждый день новости.

Я сел на постели. Что-то со мной не так. Давно не было мне так плохо. Что произошло? Неужели этот разговор в гостинице? Мне просто напомнили недавнее прошлое.

И весь тогдашний груз снова оказался у меня на плечах. Словно мне опять придется заново переживать ту сцену в редакции, и видеть, как моя жена идет с другим, и слышать, как она говорит судье все эти гнусности, и читать в ее заявлении, что все двенадцать лет совместной жизни я избивал ее, унижал, угрожал жизни...

Хотя, наверное, она была права, нагромождая эту ложь, в которую ни она, ни кто другой все равно не верил. Она просто делала необратимым процесс развала нашей семьи. Просто ей было так легче забыть о том, что мы любили друг друга...

Еще раз черт. Черт, черт, черт... До каких же пор...

Почему я не могу заставить себя все это забыть? Ведь не люблю уже, ведь прошло чувство потери. А что осталось? Что осталось? Чувство пустоты? Но ведь я сам ничего не сделал для того, чтобы эту пустоту заполнить. Ничего.

Слишком много всего навалилось на меня весной девяносто пятого. И не было у меня жизни после девяносто пятого. Так, доживание...

И, может, не из-за денег пойду я сегодня в гостиницу? А из-за чего тогда? Пойду искать смысл жизни? Пойду с надеждой, что человек с резиновой улыбкой, каким-то образом узнавший о моем прошлом, позволит в это прошлое вернуться? И что-то в нем изменить?

Нет, не найти бывшую жену или распавшуюся семью. Найти себя? Найти себя, заблудившегося в мартовском лесу, полном запаха пролитой крови...

Шесть утра. Пора вставать. Я знаю, что сегодня моя жизнь снова изменится. Я чувствую это. Я не могу ошибиться. И в глубине души, в самой глубине, я хочу ошибиться. Я хочу отказаться от встречи. Но это в глубине души. Так глубоко, что на это можно не обращать внимания.

Сегодня я совершу ошибку.

23 октября 1999 года, суббота, 10-00 по московскому времени, Белгород.

Семен Федорович Зудин имел в обществе вес. И вес большой. И вес имел заслуженно. Семен Федорович очень много мог и очень много знал. Он также сочетал в себе умение молчать и умение заставить молчать остальных.

К пятидесяти семи годам Семен Федорович имел два ярко выраженных недостатка: прижимистость, переходящую, по мнению некоторых, в крохоборство, и излишний вес. Первый недостаток сам Семен Федорович считал достоинством, а второй... Вторым был профессиональным заболеванием.

Владелец частной фирмы «Рассвет», депутат и меценат господин Зудин был очень занятым человеком. Каждая минута его времени стоила больших денег, а посему пешком Семен Федорович ходил редко. И мало.

Пятнадцать метров от коттеджа до автомобиля, двадцать метров от автомобиля до офиса – это была средняя норма пешеходных передвижений Зудина. Иногда он отправлялся в ресторан, иногда позволял себе пройтись с полкилометра от коттеджа до озера.

И всегда в сопровождении минимум двух телохранителей. Времена наступили тяжелые и свободно можно было нарваться на какого-нибудь отбитого хулигана, не соблюдающего, на кого лезет. Серьезные люди не могли позволить себе роскоши обижаться на Семена Федоровича. Они предпочитали с Семеном Федоровичем дружить.

С утра настроение у Зудина было приподнятым. Несколько дней назад он получил очень хорошее предложение. Заказчик был человеком незнакомым, но рекомендации имел конкретные и аванс заплатил за заказанное не торгуясь. Такая щедрость даже поначалу Семена Федоровича насторожила. А потом опаска ушла.

Сегодня утром человек из банка сообщил, что остаток суммы поступил на один из счетов Зудина. Оставалось только обеспечить передачу груза.

Семен Федорович медленно спустился с крыльца, всем своим массивным телом повернулся к дому, чтобы взглянуть на окно второго этажа. Там очередная кукла демонстрировала печаль расставания с кормильцем. Зудин ухмыльнулся и помахал рукой. Он не питал иллюзий относительно своей привлекательности для восемнадцатилетней фотомodelьки, точно знал, что в его отсутствие ее благосклонностью попользовались все мужики, от садовника до охранников, но это его не особенно огорчало. Лакеи всегда тягали что-то с барского стола, а юную потаскушку он все равно собирался в скором времени менять.

И выставлю я тебя, милочка, в чем мать родила, подумал Зудин, и это еще больше улучшило его настроение.

– Все в порядке, Ваня? – спросил Зудин у водителя.

– В полном, – привычной фразой ответил Иван, осторожно поддержал шефа под локоть, помогая усесться ему на заднее сидение «мерседеса», потом сел за руль и очень аккуратно прикрыл дверцу. Шеф не любил, когда дверцей сильно хлопали.

На сидение возле себя Иван положил автомат, демонстративно на глазах у пассажира передернув затвор. Это тоже входило в обязательный ритуал. «Мерседес» аккуратно выехал со двора.

Зудин не любил быстрой езды. Машину вести разрешалось только со скоростью не выше шестидесяти километров в час. Еще Семен Федорович не любил массивных золотых перстней и сотовых телефонов. Это придавало ему в собственных глазах некую старомодность и респектабельность.

Семен Федорович, как обычно, удобно устроился на заднем сидении за спиной водителя и прикрыл глаза. Машина сопровождения поджидала его в пяти километрах от коттеджа, возле выезда на трассу.

Но доехать до нее этим утром не получилось. Зудин почувствовал, как «мерседес» резко затормозил. Семен Федорович открыл глаза, чтобы сделать выговор водителю, но замер, увидев, что Иван сидит неестественно вытянувшись и держит руки перед собой, словно демонстрируя чистоту ладоней.

Перед самым капотом автомобиля спокойно стоял человек, державший в руках пулемет. Будь у него любое другое оружие, пистолет, или помповое ружье, или даже гранатомет, Иван попытался бы схватиться за оружие. Но пулемет Калашникова, с прикрепленной снизу патронной коробкой, с пулеметной лентой, поблескивавшей на солнце рожками патронами, производил почти магическое действие. Ему здесь было не место.

В боковое окошко, возле Семена Федоровича осторожно постучали. Семен Федорович испуганно оглянулся и встретился с очень спокойным взглядом молодого парня:

– Вы разрешите? – открыв дверцу, вежливо поинтересовался парень.

– Что? – спросил Семен Федорович.

– Подсесть к вам разрешите?

– Зачем?

– Нам нужно поговорить, – парень бесцеремонно подтолкнул Зудина в глубь салона и устроился на сидении рядом с ним, – а водителя своего отпустите немного погулять.

– Ваня! – окликнул водителя Зудин.

– Только автомат не цапай и пушку из кобуры вытащи, на всякий случай. Мало ли что.

Иван выполнил приказ и медленно вышел из машины. Из-за дерева появился еще один спокойный молодой человек, что-то тихо сказал водителю, и тот, покорно кивнув, присел на корточки возле машины. Пулеметчик наконец отвел ствол пулемета от лобового стекла машины и отошел в сторону.

– А теперь поговорим о делах наших скорбных, – сказал подсевший в машину парень.

– Почему скорбных? – насторожился Зудин.

– Не нужно пугаться, это цитата, – успокоил его парень, – меня, кстати, зовут Женя.

– Семен Федорович, – автоматически представился Зудин.

– Вот такие вот дела, Семен Федорович, – сказал Женя.

– Какие дела?

– Плохие. Вы ведь взрослый человек, Семен Федорович, уважаемый. Некоторые вас даже считают умными. И не поняли простой вещи...

Зудин вздохнул.

– Не нужно вздыхать. Нужно было понять, что есть преступления, за которые нельзя наказать за отсутствием улик и доказательств, а есть...

– Какие преступления? – Зудин почувствовал в словах собеседника какую-то официальную нотку и оживился. Если это действительно так начали действовать родные правоохранительные органы, то минут через пять им придется откозырять и убраться восвояси.

– А есть преступления, – невозмутимо продолжил Женя, – за которые уничтожают без суда.

– Я ничего не... – начал Семен Федорович.

– А вам больше ничего и не нужно. Вы уже все сделали, теперь дело за нами. От вас уже почти ничего не зависит.

– Да что это! – повысил голос Зудин, прикидывая, на кого именно стоит сослаться сейчас, чтобы осадить зарвавшегося сопляка.

– А вот это, – спокойно заявил сопляк, и его ладонь звонко припечаталась к левой щеке Семена Федоровича.

Семен Федорович замолчал. До него мгновенно дошло, что на обычное задержание это не похоже.

– У вас два выхода, Семен Федорович. Один – вы продолжаете корчить из себя надутого идиота, и сегодня ваш труп и труп вашего водителя будут найдены в салоне этой машины. Второй выход – вы чистосердечно отвечаете на все мои вопросы. И в первом случае, и во втором у нас есть всего десять минут. Иначе переполошатся быки из вашей машины сопровождения, и нам придется к двум трупам добавлять еще три. Время пошло.

Ивану показалось, что с момента появления на дороге пулеметчика до того момента, когда, громко хлопнув дверцей, из машины появился говоривший с шефом парень, прошло почти два часа. На самом деле все приключение длилось пятнадцать минут.

Трое агрессоров скрылись в лесу, Иван осторожно заглянул через стекло в салон. Облегченно вздохнул – Зудин был жив, только выглядел немного помятым и держался рукой за левую щеку.

– Что делать? – спросил Иван, заглядывая в салон.

– Ехать, – сердито приказал Семен Федорович.

– Хорошо, – водитель завел двигатель.

– И если кому чего ляпнешь – я лично тебе яйца вырву, вместе с гландами, – пообещал Семен Федорович.

23 октября 1999 года, суббота, 10-00 по Киеву, Город.

С того момента, как я проснулся и до того, как я, наконец, оделся и собрался выходить из квартиры, меня преследовало странное ощущение. Будто пара молодых новобрачных ежиков устроила у меня внутри небольшой сеанс брачных игр.

От желудка до мозжечка, вернее, до того места, где, как мне кажется, мозжечок находится. Все тело чесалось и зудело изнутри. Я принял душ, оделся и позавтракал совершенно автоматически. И нельзя было сказать, что я не мог не думать о предстоящей встрече. Я вообще не мог ни о чем думать. Я мог только волноваться. Как перед экзаменом. Как у кого выражается сессионный мандраж, а я перед зачетами и экзаменами совершенно не мог заставить себя хоть что-то прочитать. Любую конструктивную мысль из моих извилин напрочь вышибало ожидание встречи с экзаменатором.

Давно забытое ощущение.

Сашка, по случаю выходного, еще спал. Сестра, по тому же случаю, ушла на работу. Она у меня тренер, и график работы у нее полностью противоположен нормальному человеческому.

Я уже даже успел обуться, когда вдруг решил, что на предстоящую встречу стоит взять с собой паспорт. Пришлось аккуратно пробраться в свою комнату, вытащить из письменного стола мой, все еще молоткастый и серпастый паспорт, который я никак не удосужусь сменить на независимо-украинский. Так же аккуратно я вернулся к выходу, но тут меня настиг рок.

Уходя – уходи, как верно подметил кто-то из классиков, и возвращаться – плохая примета, как правильно утверждала народная мудрость в купе с, опять таки, классиком. Подал голос мой телефон.

Вернись, потребовал он, к тебе звонит очень важный человек. Я потоптался на месте. Это очень важный звонок, настойчиво сообщил мне телефон. Сколько я могу надрываться, заверещал телефон через минуту, тебе ведь хотят сообщить о приближающемся конце света.

Такой важной информации я, естественно, пропустить не мог.

– Да? – сказал я в скрипящую телефонную трубку.

– Это я, – сообщил трудно узнаваемый голос, – мы завтра когда встречаемся?

Из всех моих знакомых мужского пола только один уверен, что его голос ни с чьим другим невозможно спутать. Максимум, на что хватает Александра Ходотова, это на то, чтобы поздороваться. Представиться – это уже нечто невообразимое.

Именно по этому признаку я и узнаю его звонки.

– Доброе утро, – сказал я.

– Привет, так мы когда встречаемся?

– А мы что, встречаемся? – поинтересовался я. По моим сведениям наша команда не собиралась встречаться на этой недели. И на следующей тоже.

– А вопросы писать? – поинтересовался Ходотов. – Мы же собирались писать вопросы.

Это да, это мы действительно собирались. Только никто мне не говорил, что мы собирались это делать в воскресенье.

– Понятия не имею, – честно признался я.

– Ну, вы нормальные? Я что ли должен за всех думать.

– Что делать?

– Думать.

– Это не ко мне, нам думать не положено.

Это у нас старая шутка. У нас, это у шести грифов и одной дамы, которые время от времени играют в интеллектуальные игры и по этому поводу именуют себя командой «Окей».

Записывается это жизнеутверждающее название двумя буквами с апострофом между ними. И это, кстати, не самое дурацкое название у знатоков. Бывают и позаковыристее. Так вот, по нашему мнению, думать в играх «Что? Где? Когда?» и «Брэйн» вредно. Нужно отвечать на вопросы. На нашем птичьем языке, это звучит как «братъ вопрос». Вот и нужно брать. Не фиг думать.

– Тебе Кулинич не звонил? – спросил Ходотов.

– Нет. Я вчера вечером выключил телефон. И только сегодня утром его включил. К сожалению.

– Ладно, я ему перезвоню, пока, – и Ходотов повесил трубку.

– Звони-звони, – сказал я коротким гудкам и положил телефонную трубку наместо. Но к выходу не устремился. Звонки у меня обычно по одиночке не ходят. Они прилетают косяками, мешая друг другу.

Ровно через две минуты телефон снова подал голос. Он был недоволен. Я переиграл его, дождавшись очередного звонка, стоя возле стеллажа. Телефон собирался вернуть меня от самой двери.

На этот раз это был телевизионный деятель Игорь Сапожников. Этот свои телефонные разговоры со мной начинал с утробного «Ало?» и неизменного: «Здравствуйте, Александр».

– Здравствуйте, Игорь, – ответил я на приветствие и поглядел на часы. Часы сообщили мне, что уже пятнадцать минут девятого. Легко им быть спокойными, им не нужно лететь почти через весь город. И не нужно им общаться по телефону с самым занудным телевизионным деятелем Города.

– Александр, как поживаете? – голос у Игоря низкий, и гулкий. Такое впечатление возникает, что голосовые связки у Сапожникова расположены где-то очень глубоко, хотя где глубоко могут располагаться голосовые связки в теле, в котором росту чуть больше метра шестидесяти.

– Хорошо, только тороплюсь, – почти нагло ответил я.

– А когда мы с вами сможем увидеться?

– А когда нужно?

– Александр, вы только поймите меня правильно... – с этой просьбы начинается треть фраз Сапожникова. Еще одна треть начинается с «ну, вы меня понимаете?». И тогда очень хочется ответить, что нет, не понимаю, но трудно вытравить из себя остатки культуры.

– Что? – я снова прослушал стартовую часть выступления Игоря. Обычно это бывает длинная и запутанная преамбула, смысловой нагрузки не несущая, но на этот раз Игорь решил себе изменить.

– Нам с вами уже нужно вплотную заниматься передачей, время идет, я уже почти договорился об эфире, теперь мне нужно, чтобы вы...

– Когда нам нужно встретиться? – спросил я как можно более деловым тоном.

– Сегодня. Вы не могли бы приехать на студию к двенадцати. Поймите меня правильно...

– Понимаю, сегодня, в двенадцать. Буду. До свидания, – я бросил телефонную трубку и почти бегом преодолел расстояние до входной двери.

– Ты когда будешь? – спросила мама. – Что говорить, если позвонят?

– Буду вечером. – Мне удалось выскочить из квартиры до того, как телефон зазвонил снова.

На улице моросило. И это хорошая примета, напомнил я себе, обычно, если по дороге на деловое свидание мне удастся попасть под дождь или хотя бы под мокрый снег, встреча оказывается денежной.

Билет, который мне с тяжелым вздохом в троллейбусе дала кондуктор, как на грех, тоже оказался счастливым.

И снова, как вчера, вовремя подъехала электричка метро. Все правильно, путь в ловушку всегда должен быть удобнее, чем из нее.

– Открыто! – ответил мне из-за двери четыреста восьмого номера незнакомый голос. И этот голос был полной противоположностью голоса моего вчерашнего щедрого собеседника. Сегодняшний голос явно принадлежал человеку уверенному в себе, жизнерадостному и совершенно эгоистичному. Другими словами, человеку полностью приспособленному к нынешней простой жизни.

Я вошел. И на вид человек, сидевший в кресле перед телевизором, производил впечатление личности сильной и властной. Лет сорок, бывший спортсмен, но не отбитый, рост... Я себя отношу к людям высоким, так что, когда человек встал, то росту он оказался очень высокого, метр девяносто пять, не меньше. И рукопожатие у него было под стать. И, надо отдать должное, рукопожатием своим он не злоупотреблял. Продемонстрировал хватку и отпустил мою руку.

– Анатолий.

– Александр.

– Очень приятно.

– Взаимно.

– Присаживайся.

– Благодарю вас!

– Давай сразу на «ты».

– Давай, – не хотел я переходить с этим Анатолием на «ты», но как это должно было прозвучать? Ладно, проехали.

– Саша, я так понял, что ты решил принять предложение Фокина.

– А я так понял, что это было предложение не Фокина, а твое.

Анатолий засмеялся. Заразительный у него был смех, искренний. Именно такому искреннему и заразительному смеху я поверю в самую последнюю очередь. Нечего так задорно смеяться по самому дурацкому поводу.

– Мое, мое предложение! Так ты его принял?

– В принципе... – я сделал, как мне показалось, внушительную паузу, – в принципе я согласен. Фокин сказал, что мне хотят заказать роман?

– Что? Это тебе Фокин такое сказал? Урод... – Анатолий снова засмеялся, но на этот раз я совершенно не понял сути юмора.

– Нет, не роман. Мне нужно, чтобы ты написал книгу.

«Не один хрен?» – чуть не ляпнул я, но сдержался. Всего секунды хватило мне, чтобы понять – не один. Даже мне доводилось создавать энциклопедии. Целых две штуки. И, кстати, заработал я на этом деле отвращение как к самим энциклопедиям, так и к людям, такие самопальные и скороспелые энциклопедии заказывающим. Хотя стоп, чего это я на себя грешу, вчера Пегий ясно сказал, те же герои, что и в первом романе.

– Мне было сказано, что я должен написать книгу, в которой будут действовать герои моего первого романа...

– Правильно, только не роман. У тебя ж в первом действуют почти все люди реальные?

Щас. Щас я разгонюсь и прям сообщу, что имена русских и украинских шпионов и факты из их секретной жизни реальны. Щас. Это меня вчера Пегий врасплох захватил. А сегодня я уже на вашу удочку не попадусь. Хватит. Не был, не помню, знать не знаю. Тем более, что это почти правда.

– Ты, Саша, не дрейфь, я по дружески, – попытался успокоить меня Анатолий, – не хочешь говорить – не нужно, я и так знаю. Между прочим, когда твоя книга появилась, знаешь какой шелест прошел там?

Анатолий посмотрел на потолок. Я тоже посмотрел на потолок, но ничего кроме пыльной люстры с двумя плафонами там не обнаружил.

Анатолий посмотрел на меня. Я ответил ему взглядом, надеюсь, спокойным и честным. Анатолий кашлянул.

- Мы говорили о будущей книге.
- Ага. Да. Тут такое дело... – Анатолий отвел глаза и хмыкнул.
- Ближе к делу, Толик.
- Мне нужно, чтобы ты написал книгу о войне между Украиной и Россией.
- Здравствуйтесь, – с поклоном сказал я, – фантастику заказываете?
- Нет, понимаешь, мне нужно... – начал Анатолий, и через пятнадцать минут я понял.

Решил человек заработать. Это по его словам. На вид он вроде не так, чтобы очень дурак, но пришла в его голову мысль, что можно, оказывается, заработать на продаже документальной книги о несостоявшейся войне.

– Прикинь, здоровенный шикарный альбом, с фотографиями, схемами, диаграммами. Российская армия ударила на Донбасс, украинская – на Белгород. Встречный танковый бой под Прохоровкой... И так далее.

Если вначале Толика можно было принять за человека более менее образованного, то к концу своего рассказа он в моих глазах, растерял этот ореол. Чисто пацан, в натуре нахватавшийся вершков, типа Тома Кленси. Есть у шустрого американца романчик о Третьей Мировой войне.

В который раз я убедился, что сам себе обычно рою яму. Пора бы уже привыкнуть, что, разговаривая с таким увлеченным человеком, нужно согласно кивать и держать глаза настолько расширенными, чтобы выступающий увидел в них отблеск своего безумия. И тогда появятся деньги. Но из разговора в разговор, выслушав бред, я честно сообщал о всех подводных течениях, которые мерещатся мне в глубине лазурного моря мечты.

- И каким тиражом вы это думаете продать? – спросил я.
- Тысяч сто, для начала. На русском. Потом на английском, немецком и французском. Если эта книга выйдет перед выборами в России, знаешь, сколько народу ее купит?
- Сколько?
- Ты чего, думаешь, что я пургу гоню?
- Да нет, ты просто слишком сильно надеешься... А возможно...
- Возможно, – легко согласился Толик, – но тебе то что, не твои ведь бабки. Зарплату ты будешь получать ежемесячно... Тебе Фокин...
- Сказал.
- Нормально?
- Вполне. Только...
- Что еще? Договор подпишем как надо. С процентами от продаж. Хочешь, тридцать процентов?

Я засмеялся.

- Чего смеешься? Не веришь?
- Странный у нас разговор...
- Чего там странный? Нормальный.
- Наверное... Ладно, тогда о книге. Кто должен победить? Украина?
- А мне по барабану. Пусть хоть Россия, хоть Украина. Лучше, конечно, чтобы звери русские были наказаны, но боюсь...

– Я тоже боюсь, что в украинские танки на Красной площади никто не поверит.

В конце концов, решил я, хозяин – барин. Первый раз, что ли, выполнять идиотские заказы. Планида у нас, безработных, такая.

- А кто будет меня консультировать по военным вопросам? – спросил я.
- Кого найдешь. Твое дело. Лучше всего, пиши сам, без консультаций.
- Я снова должен честно признаться, что хоть и интересуюсь военной историей и вооружениями, но не настолько, чтобы...

– Это потом. Твоя первая задача – придумать, как эта война начнется и как будет проходить. А потом процесс пойдет сам, – Толик потер руки, словно от удовольствия. Он, похоже, предвкушал, как изданная им книга станет мировым бестселлером и принесет бешенные бабки.

– Да, – отведя глаза в сторону, тихо сказал я, – какой у нас будет режим работы?

– Через месяц ты мне должен дать план книги. В общих чертах – кто, где, когда, – Толик улыбнулся. Какого черта и он, и этот его пегий адвокат так настойчиво демонстрируют свою информированность о моей личной жизни.

– Как мы будем поддерживать связь, как... – я замаялся, но радушный работодатель поспешил мне на помощь.

– Как я тебе буду передавать деньги на командировку, если понадобится? Очень просто. Тебе вчера Фокин зеленые дал?

– Триста.

– Очень хорошо. Тебе на месяц хватит?

– Ну...

– Долги?

– Есть немного.

– Тогда так, вот тебе еще за месяц бабки, – Толик вытащил из кармана увесистого вида бумажник и, пошелестев купюрами, протянул мне несколько серо-зеленых картинок, – только ты учти, я потом это из твоего гонорара вычту.

– Если можно, – предложил я, – не все сразу, а по столынику в месяц тогда вычитай.

– Ты о чем? А! Ты не въехал, из зарплаты я вычитать не буду. Из гонорара. До мая ты будешь получать зарплату, а потом, после сдачи книги, получишь гонорар. Тебе что, Фокин не объяснил?

Я повертел деньги в руках. Чем дальше – тем страньше. Слишком все это похоже на сыр в мышеловке. Или на банан в кувшине. А я как маргышка сунул руку в этот кувшин и теперь ломаю голову над тем, как вытащить сжатую в кулак руку с бананом сквозь узкое горлышко тяжелой посуды.

– И вот тебе еще моя визитка, – Толик сунул мне глянцевую картонку. – Если что – звони. Еще вопросы есть? А то мне, извини, нужно бежать.

Я рассеянно посмотрел на визитную карточку с киевскими телефонными номерами и фамилией Жовнер. Анатолий Иванович Жовнер, предприниматель, оказывается, нанимал меня на работу, самую странную работу из тех, что у меня когда-нибудь была.

– Еще вопросы есть? – спросил предприниматель.

– Один, последний.

– Давай, – почти радостно разрешил мне наниматель.

– А почему ты обратился именно ко мне? Что в Киеве или в Москве мало людей, которые справились бы с этим лучше меня? И уж военную часть лучше было бы задать кому-либо из военных. Почему меня?

Если честно, то я сам уже почти ответил для себя на этот вопрос. И вслух я его произнес уже только для очистки совести. Может быть, с тайной надеждой на то, что ошибся, и что сейчас Толик со свойственной ему, кажется, прямоотой, эти мои домыслы развеет. Но оказался я прав в своих надеждах, как обычно, только наполовину.

Он действительно внес ясность. Только стало от нее не лучше. Стало значительно хуже. И никто на моем месте, в этом я уверен полностью, не подпрыгнул бы от радости, услышав спокойный ответ:

– А тебя не убьют, если что.

23 октября 1999 года, суббота, 10-30 по местному времени, Будапешт.

Какого черта Дунай называют голубым, рассеянно подумал Сергей, глядя на реку с высоты Рыбачьего бастиона. Мутный и желтый, как... Сергей тяжело вздохнул и отошел от портика, с которого рассматривал Пешт. Красивый город. Спокойный. Только вот всего в часе хода вчера погиб Димка. И еще два человека.

Желваки на щеках Сергея напряглись. Два человека! Нельзя их считать людьми, этих млекопитающих. Из-за них погиб нормальный парень!

Сергей Алексеев неторопливо двинулся мимо памятнику королю-крестителю, мимо собора, свернул налево и пошел к зданию арсенала. В соборе он уже был, памятник рассматривал. Обязательный набор туриста. Хотя даже по легенде Алексеев туристом не был.

С самого утра, после встречи с человеком из посольства, Алексеев снова был Сергеем Алексеевым, а не Станиславом Каминским. И не мелким предпринимателем из Познани, а сотрудником одной из Российских спецслужб. Но и в этом своем новом качестве, Сергей не был полностью на легальном положении.

Магьяры дали добро на сотрудничество с русскими только неофициально. Алексееву должно быть оказано максимальное содействие. Это максимальное содействие должно было выразиться в том, что к русскому гостю приставлялся местный коллега. В качестве проводника, помощника и надзирателя.

Время братской любви в россиянам прошло довольно давно, если даже и была эта любовь когда-нибудь искренней. Вот сейчас для Сергея похолодание межгосударственных отношений ясно выразалось в том, что вот уже лишние сорок минут он шлялся по бастиону в ожидании своего временного напарника.

Больше всего сейчас Сергей жалел, что не поддался соблазну и не сбежал самым примитивным образом из Будапешта еще ночью. Плюнул бы на все и уехал, а не отправился бы к связнику с рапортом о происшедшем.

– Сергей! – послышалось сзади.

Сергей обернулся. Быстрым шагом его нагонял невысокий коренастый мужчина.

– Сергей Алексеев? – полуутвердительно спросил мужчина.

– Да, – кивнул Сергей.

– Меня зовут Штефан, – магьяр чуть кивнул, не подавая руки.

Сергей демонстративно посмотрел на ручные часы.

– Зато я получил все бумаги, включая разрешение на обыск дома Зимнего, – на чистом русском сказал Штефан. – Можно ехать.

– Где это?

– Гора Геллерт, очень престижный район. Ваши умеют хорошо устраиваться, – это «ваши» было произнесено с видимым отвращением, взгляд магьяра казался холодным и брезгливым.

Сергей внутренне напрягся, чуть наклонился к коллеге и тихо сказал:

– Наши здесь были в сорок пятом и пятьдесят шестом. А эти... Этим даже мы уже не терпим, это вы их приняли.

Зрачки у Штефана сжались в точки.

Алексеев заставил себя улыбнуться:

– Нам можно уже ехать?

– Машина ждет, – ответил Штефан и отвернулся.

– Очень хорошо. Поехали. А то еще кто-нибудь из ваших журналистов пронюхает, что вы сотрудничаете с проклятыми русскими. Это далеко?

– Не очень.

Алексеев кивнул:

– Как идти, через верх, или мимо арсенала?

– Все равно. Тогда давайте пройдем назад, мимо памятника.

Штефан молча пожал плечами.

– Красивый у вас город, – громко сказал Сергей. – Я толком посмотреть не успел, но, в общем, ничего.

Мадьяр покосился на Алексеева.

– Я слышал тут у вас здоровенный рынок. Китайский, кажется? Мы туда не сможем съездить сегодня.

– У нас есть на это время? – взгляд мадьяра выразил все, что он думает о русском, который даже на работе думает о рынке.

– И еще, – громко начал Сергей, положив руку на плечо мадьяру.

Тот попытался руку сбросить, но пальцы русского только сильнее сжали плечо.

– Бабы тут у вас, говорят, горячие. Не познакомишь? А то понимаешь... – Сергей заговорщицки подмигнул и наклонился к самому уху Штефана. – Не дергайся, придурок. Сейчас ты весело засмеешься и скажешь, что всегда знал меня как бабника, потом снова наклонишься ко мне.

– Ты старый Дон Жуан, Сережа! – громко, со смешком сказал мадьяр. – Кого ты захотел на этот раз?

– Так себе фразочка, – шепотом сказал Сергей, – а на этот раз я захотел у тебя спросить, ты здесь один? И не забывай улыбаться.

– Поищем! – громко сказал Штефан и тихо добавил, – Один. Что случилось?

– Меня вот уже полчаса пасут три типа. Не дергайся. Я не знаю кто они. Какие будут предложения?

Штефан засмеялся, скользнул взглядом вокруг. На скулах у него проступил чуть заметный румянец.

– Ну, чего, братан? Куда теперь? – громко спросил Сергей.

– К машине пошли, давно пора ехать.

– Побежали?

– Побежали, – весело согласился Штефан и побежал.

За ним, со смехом, побежал Сергей.

Краем глаза он заметил, что троица, давно топтавшаяся вокруг него, переглянулась и ускорила шаг. Перейдя вначале на быстрый шаг, а потом и на бег.

Сергей свернул налево за собор и с удивлением заметил, что Штефана там нет. Брусчатый спуск был почти пуст. Только возле остатков крепостной стены маячила фигура типа в блестящих жестяных латах. Возле него как раз фотографировалась какая-то парочка.

– Мать твою, – вырвалось у Сергея, и он побежал быстрее.

Из-за поворота показались преследователи. Они больше не стеснялись и не скрывали своего сильного желания пообщаться с Сергеем поближе. Оружия в руках еще видно не было. Зато Штефан, стоявший возле стены, за выступом, пистолет в руках уже держал.

Сергей резко остановился и повернулся лицом к преследователям. При любом раскладе они не должны были отвлекаться от Алексеева. Он не хотел, чтобы они преждевременно заметили Штефана.

Метрах в пяти от Сергея, троица перешла с бега на шаг.

– Вам чего, ребята? – спокойно поинтересовался Сергей по-русски.

Ребята ничего не ответили и осуществили маневр охвата с флангов. Сергей старательно смотрел в глаза тому, что был в центре, стараясь не выдать взглядом Штефана, который как раз осторожно смещался в сторону.

– Ближе не подходить! – приказал Сергей, но приказ был проигнорирован. Тот, что подходил справа, быстро сунул руку в карман плаща. Вынул он ее вроде бы пустой, но Сергей напрягся. Эти штучки он уже проходил.

Ни один из троих не пытался ни угрожать, ни говорить. Мочить собрались, подумал Сергей. Времена пошли, могут ведь грохнуть ни за что, ни про что.

Алексеев полез в боковой карман куртки, и тут же из кулака того, что подходил справа, выпрыгнуло лезвие. Всего лишь нож, подумал Сергей и пропустил выпад мимо себя, чуть отклонившись в сторону.

Нападавший потерял равновесие и не без помощи Сергея, полетел на мостовую. Нужно добить, мелькнуло в голове, но на это уже не было времени. Нож появился в руке еще одного, а третий откуда-то извлек пистолет. И это было его ошибкой.

Штефан перестал сомневаться и дважды выстрелил. Оба раза на поражение и оба раза – без промаха. Затылок и висок. Пистолет был с глушителем, калибр небольшой, так что не было ни грохота, ни особой крови. Только два хлопка и два шумно упавших тела.

Штефан на ходу наклонился, поднял с мостовой выпавший у убитого пистолет:

– Быстрее!

Сергей дважды ужарил ногой того, что бросился на него первым: по руке, выбивая нож, и в голову. Оглянулся на Штефана:

– Берем?

Мадьяр молча положил трофейный пистолет в карман пальто и подхватил лежащего под правую руку. Сергей подхватил его под левую. Так они дотащили нападавшего до машины. Штефан открыл ключом дверцу и помог Сергею втиснуть неподвижное тело на заднее сидение. Откуда-то из-под сидения достал наручники, защелкнул их на лежащем.

Сергей обошел машину и сел на переднее сидение.

Штефан сел за руль.

Несколько минут ехали молча. Потом Штефан вынул из кармана пачку сигарет, закурил, не предлагая Сергею.

– Ваши? – спросил он после двух затяжек.

Сергей ответить не успел, лежавший на заднем сидении завозился и что-то негромко пробормотал. Штефан выругался по-мадьярски.

– Ваши! – весело сказал Сергей. – Ваши.

23 октября 1999 года, суббота, 12-00, Москва.

Виктор Николаевич отложил в сторону папку и задумчиво посмотрел на сидевшего напротив за столом Михаила:

– Итак, мы с вами получили первый урожай и теперь должны решить, что с этим урожаем нужно делать. Ваши предложения?

– Вы снова хотите сверить мои выводы с выводами своих аналитиков?

– Михаил, я хочу услышать ваше мнение, и этого уже должно быть достаточно, чтобы...

– Виктор Николаевич замолчал на середине фразы и потер виски.

– Вы этой ночью, похоже, так и не уснули, – констатировал Михаил.

– Не уснул. Этой ночью я пытался представить себе хоть какую-то схему, по которой могут действовать наши противники.

– Враг, – напомнил Михаил.

– Наш Враг, – согласился Виктор Николаевич.

– И что у вас получилось?

– Самое главное – я сделал открытие.

– Да? И какое же? Если не секрет.

– Я понял, что ночью лучше спать. А работать нужно днем и обязательно с перерывом на обед.

– И это правильно, – со знакомыми интонациями произнес Михаил, – и тогда процесс пойдет.

– Пойдет, – кивнул Виктор Николаевич, не переставая массировать виски. – И все-таки я хочу услышать рапорт о ваших, извините, наших достижениях. Чего мы добились и чего, собственно, мы добивались.

– На этот час мы очень шумно, с помпой и «скорой помощью» взяли одного специалиста по терактам. Взяли в Москве. Трех изъели аккуратно, без брызг. Через одного из них почти мгновенно вышли на торговца оружием в Белгороде. И даже успели дернуть этого торговца. Он сообщил, что завтра утром направляет груз в Украину. Заказчика назвал. Побожился, что отныне будет давать любую нужную информацию. Теперь я хочу связаться с Украиной...

– Зачем?

– Я что, не имею права?

– Я только спросил зачем?

– Пусть машину перехватят они. Сразу на кордоне, на подъезде к Городу. Ну, и пусть походят за заказчиком.

– Кстати, кто значится в документах?

– Фирма «Молот». Вернее, общество с ограниченной ответственностью. Вот пусть коллеги из Украины и покопаются во всем этом, может, нащупают ниточку.

– Вы действительно полагаете...

– Фокус, как мне видится, вот в чем. Наш Враг отчего-то страдает гигантоманией. Его не устраивают одиночные акции. Он готовит массированную атаку, или, во всяком случае, проводит массированную подготовку. И, похоже, его очень интересует обратная связь с нами. Все те, кого мы на сегодняшний день взяли – обыкновенные подставки. Сигнальные ракеты, которые должны будут указывать врагу на направление наших действий. Значит, за ними должен кто-то следить...

– И вы полагаете, что от этих наблюдателей мы сможем протянуть ниточку к заказчику?

– От этих – нет. Разве что, только если нам очень крупно незаслуженно повезет.

– Вы говорите так уверенно, будто уже составили для себя ясное представление о будущих действиях Врага. Поделитесь.

– Я не знаю, как будет действовать Враг. Но могу попытаться представить себе, как бы действовал я, имея подобную задачу и имея почти неограниченные финансовые возможности. Возможность массированного ядерного удара по всей территории России мы с вами вместе отмечаем, как совершенно не реальное. Туда же уходит и прямое вторжение вооруженных сил одного или нескольких сопредельных и не очень государств.

Теперь серьезно. Терроризм. Да, возможно, и практически наверняка. Но не как основное направление. Даже если, в самом худшем случае, атомный терроризм, взрыв одной из атомных электростанций, то это не обеспечивает главной задачи Врага. Политический метод? Наверняка, но это не самый быстрый и не слишком эффективный. Экономический? Как? Тоже возможно, но деньги тут понадобятся совершенно нереальные.

– К чему мы приходим в результате?

– В результате мы приходим к невозможности быстрого и эффективного достижения цели, декларированного в информации, полученной через покойного Зимнего. Даже если все перечисленные мной методы будет задействованы одновременно.

– Выходит, мы можем особо не напрягаться, потому, что цель, поставленная неизвестным заказчиком, совершенно недостижима?

– Выходит...

– Но...

- Но у меня такое впечатление, что Враг уверен в обратном. И крепко уверен.
- Из этого следует...
- Из этого следует, что мы чего-то не предусмотрели.
- Или мы чего-то не знаем. Вот вы, например, не упомянули информационные методы.

Почему?

– Сам не знаю. Просто не могу себе представить, что в этой области можно сейчас обнаружить такое, чтобы настолько потрясти устои нашего многострадального государства. И на кого должен быть похож тот, кто будет фигурировать в съемках скрытой камерой.

– И тем не менее.

– И тем не менее, я нацелил на отслеживание возможных вариантов небольшую группу аналитиков. С вашего разрешения, – чуть помедлив, добавил Михаил.

– Ну, слава Богу, а то я уже заволновался, как это вдруг и без моего разрешения, – Виктор Николаевич улыбнулся, но через секунду снова поморщился и потер лоб.

– Я могу идти? – спросил Михаил.

– Нет, не можете. Хватит вам все время совать мне свои папочки. Настал мой черед. – Виктор Николаевич выдвинул ящик стола и достал из него с десяток листов, сшитых в левом верхнем углу скрепкой. – Теперь вы почитаете нечто увлекательное. Причем, предупреждаю, читать вы будете здесь и сейчас, выносить сие исследование из кабинета я вам не позволю. И не вздумайте мне рассказывать о своей дикой загруженности. Читайте не торопясь.

23 октября 1999 года, суббота, 11-15 по Киеву, Город.

Как это он сказал? «Тебя, в случае чего, не убьют?». Это в случае чего? И кто должен меня не убить? Или кто не должен меня убить? И кого убить должны?

Я с минуту приходил в себя. Просто не хватило дыхания сразу выматериться. Будто двинули под дых. У меня есть по этой части небольшой опыт, так вот ощущение очень похоже. Воздух из легких улетучивается практически сразу, и ты только и можешь, что пытаться хватить воздуху нелепо открытым ртом. На рыбу, выброшенную на берег, кстати, это совсем не похоже, что бы там ни писали литераторы. Рыба дышит, просто ей вдыхать нечего. А человек, как вот в данном случае я, получает впечатление отсутствия того, чем дышать.

– Ты чего? – сделав удивленное лицо, спросил у меня Толик.

Вот именно такого дебильного вопроса мне не хватало, чтобы немного разрядиться. Я, в принципе, не люблю материться. Даже в армии я умудрился сохранять более-менее нормативную лексику полтора года, до тех пор, пока не стал сержантом и заместителем командира взвода. И то только потому, что иначе многие из героических подчиненных просто не понимали, чего я от них хочу.

Мне еще повезло, что рота наша была практически на сто процентов славянской. Бывший мой приятель служил в интернациональном полку, так вот его словарный запас пополнился к дембелю энергичными выражениями двадцати народов нашей тогда еще необъятной родины.

Так что, материться я не люблю, но для Жовнера я сделал исключение. И с наслаждением около минуты тщательно выговаривал все, что мог вспомнить из этой области языкознания.

Толик вначале опешил, потом лицо его приобрело несколько удивленное выражение, а потом он улыбнулся, засмеялся и, наконец, захохотал. Радость, смешанная с восхищением. Мне пришлось замолчать.

– Ну орел! Где учился? А на вид не скажешь...

– На вид, вашу маму... – я начал заводиться снова, но, совершив над собой насилие, заставил себя перейти к сути вопроса. – Что значит – убьют или не убьют. И причем здесь я?

– То, что я сказал, больше ничего. Понимаешь, если кто-нибудь другой наступит крепко мужикам в погонах на мозоль, его могут и пришить. Как там этого паренька звали, которого в

Москве лет пять назад подорвали? До сих пор суд не закончился. А тебя нет, не тронут. Это я знаю точно.

Один, два, три, четыре – я считал про себя медленно, регулируя частоту и глубину дыхания, пытаюсь не сорваться в истерику.

– Мы же говорили, что я должен придумать содержание. Как это я смогу при этом крепко наступить на ногу генералам?

– Привет, ты же не сможешь просто высосать из пальца штатное расписание российских и украинских дивизий, или вообразить себе планы развертывания и фамилии с именами того и другого генералитета. Тебе понадобится информация с грифом «для служебного пользования», как минимум. А вот тут на тебя могли бы и наехать. Усек?

– Усек. Только через почему это мы заговорили о самой интересной части нашего договора под конец? И опять таки, отчего это по твоему мнению я такой защищенный?

Жовнер полностью успокоился и заговорил твердо и уверенно:

– Смотри сюда, Саша, в течение первого месяца ты ничем вообще не рискуешь, потому что будешь просто сидеть и ковыряться у себя в носу, придумывая как именно могут поспориться две великие братские державы. Сиди себе, и фантазируй. Когда придет время, ты мне скажешь, какие именно данные тебе нужны, и я их попытаюсь тебе предоставить. Мы даже сделаем так, чтобы ты совсем ничем не рисковал. Всю информацию об Украине ты будешь получать через интернет из России, а о России, понятное дело, из Украины.

Чего-то я еще не сказал?

– Да, ты не сказал, откуда информация о моей исключительности?

– Человек один сказал. Такой человек, которому я верю.

– И что же этот человек сказал? – я придал своему голосу максимальный скепсис, максимальную иронию, на которые только был способен в тот момент. А в голове настойчиво колотилась мысль, кто действительно мог такое сморозить? Кто? Было у меня пара кандидатов на эту роль, но вслух о них я говорить не собирался.

– Какая разница? Просто поверь мне, как я поверил ему. И учти, угроза может и не появиться. Это я так, на всякий случай. И потом, у нас ведь уже демократия и свобода слова. Мы ведь уже цивилизованные люди.

– Ага, – кивнул я.

Помню я, как встретили меня возле дома трое критиков и настойчиво просили пересмотреть выбор тем в моей журналистской деятельности.

Я потер свой замечательный шрам на переносице. И еще я вспомнил мой традиционный ночной кошмар. И то, как мне легко сообщили тогда, четыре года назад, что держали меня в качестве подсадной утки. Кстати, исходя из того, что я журналист.

Жовнер мой жест заметил и замолчал. И это навело меня на еще более грустные мысли. Эта скотина, похоже, великолепно знает об истории происхождения шрама... Черт, совсем с ума сошел. Это ж я писал в своей бессмертной книге.

Дернул меня этот самый черт писать о себе. Это потом уже, после выхода первой книги, прочитал у кого-то из умных людей, фразу о том, что талантливые писатели пишут о характерах, а бесталанные – о себе.

– Давай так, – помолчав, решительно сказал Жовнер, – первый месяц ты отработаешь по любому. Бабки тебе я уже заплатил. Набросаешь сценарий – мы его с тобой перетрем и ты сам решишь, будешь дальше работать или нет. Лады?

– Лады, – неожиданно для себя самого легко согласился я.

Словно жидкой смолой неожиданно залило мои мысли. Как-то все стало безразлично. Я встал, попрощался, вяло пожал протянутую руку. Безразлично.

Еще сегодня утром я уверял себя в том, что возьмусь за эту книгу только для того, чтобы вернуть себе смысл жизни. Только сегодня утром.

Я пешком спустился по лестнице в холл. И снова оказалось, что никакого смысла в этой жизни нет. Снова мне ткнули под нос старую, как мир дилемму: делай что говорят, или сиди без денег и без малейшего шанса эти деньги заработать.

– Саша! – уже на крыльце меня вдруг хлопнули по плечу. Внушительно так хлопнули, от всей души.

Я медленно повернулся. Снова Жовнер.

– Что еще?

– Я забыл, прости. Тебе ведь обещали бабки за сегодняшний разговор. Сотку. Совершенно вылетело из головы. Держи, – Жовнер сунул мне в руку купюру, помахал рукой и исчез за стеклянной дверью гостиницы.

Исключительно порядочный и честный человек. С точностью до сотни баксов. Надо будет где-нибудь достать себе большой портрет Бенджамина Франклина. Великий был человек, на все сто долларов.

Снова слякоть. Снова мокрая гадость с неба. Снова мерзкое настроение. Только на этот раз настроение такое вовсе не из-за отсутствия денег. На этот раз настроение вовсе из-за их наличия.

Хоть волком вой. Хоть шакалом.

Только после того, как в меня врезался второй или третий прохожий, я понял, что предаюсь печальным мыслям стоя посреди ступенек в подземный переход. Совсем плохой стал. Совсем.

Что-то нужно делать, неуверенно сказал я себе, что-то нужно делать. Хорошо, теперь чуть решительнее – что-то нужно делать.

Что-то. Нужно. Делать.

Поговорить с кем-нибудь. У меня, кстати, через полчаса назначена встреча с Игорем Сапожниковым.

«Вы меня понимаете, Александр?» – скажет он, нацелившись своим выдающимся носом мне в лицо, и я его, пожалуй, просто убью. Не пойдет.

Есть еще один вариант – Алиска. Взять и позвонить. И позвать ее в кафе. Хорошая мысль. Давно мы не ходили с ней в кафе. Только вот, суббота и воскресенье у нее святые домашние дни. Мне не удастся втиснуться в них. Почти никогда.

К тому же, у меня нет телефонной карточки. Не пользуюсь я телефонными карточкам. Я им не доверяю. И им тоже. Себе я тоже не доверяю. Иногда доверяю Алиске. Значительно чаще, чем себе.

Вязкая смола, покрывавшая мои мысли, стала густеть. Мыслям все труднее и труднее шевелиться. Этот Жовнер, с трудом подумал я, и тут же, всего через пять секунд, заставил себя не думать о нем и о разговоре с ним. А еще через десять секунд, со стремительностью самой быстрой из умирающих от старости улиток, в мое сознание вползла идея купить несколько минут телефонного разговора у стоявших возле телефонов-автоматов ребят. Есть у нас и такая неофициальная услуга, парни, приобретя карточку, разрешают, не безвозмездно, конечно, воспользоваться ею тем, кто очень нуждаются.

И я позвонил.

– Привет, – сказал я.

– Здравствуйте, – сказала Алиска.

– Через сколько ты сможешь быть у «Ключевого слова»? – спросил я.

Пауза. В любое другое время я получил бы совершенно однозначный ответ – в понедельник. Но, видимо, что-то было в моем голосе.

– Через час, – сказала Алиска. – Что-то случилось?

– Ничего, – ответил я. – Ничего. Просто есть повод посидеть в кафе.

Снова пауза. Алиска сравнивала содержание моего выступления с тоном, каким оно было произнесено.

– Через час, – сказала Алиска и положила трубку.

– Через час, – зачем-то сообщил я отключившемуся телефону, расплатился с владельцем карточки и медленно пошел ко входу метро. Нужно просто погулять где-нибудь часик. И вяло шевельнулось в голове, что нужно было назначить встречу Алиске где-нибудь возле ее дома.

Я даже чуть не вернулся к телефонам. А потом махнул рукой. Нормально.

23 октября 1999 года, 10-30 по местному времени, Будапешт.

Возле дома Зеленого было мрачно и суетно. К подъехавшей машине от дома сразу подошли двое крепких решительный парня, а еще один, стоявший возле самого крыльца, поднес к лицу рацию и что-то в нее сказал.

– Тебе чего? – спросил один из парней у водителя.

Штефан обернулся к сидевшему рядом Сергею.

– Привет, – сказал Сергей.

– Я спросил, какого тебе здесь нужно?

– Мне нужно Горбача. Написать на бумажке? Горбача.

Спрашивавший неуверенно оглянулся на дом. Горбач был вторым человеком после Зимнего, приехавший парень держался уверенно, но имел охранник строжайший приказ никого к дому не подпускать и посылать всех на хрен.

– Подойди сюда, – вежливо пригласил Сергей охранника, опуская стекло со своей стороны.

– Чего? – охранник обошел машину и наклонился к окошку.

– Читать умеешь? – улыбнувшись, поинтересовался Сергей.

И без того не слишком теплый взгляд охранника заблестел ледком.

– Умеешь? Тогда вот почитай, – Сергей поднял на уровень глаз парня свое удостоверение. – Прочитал?

– Прочитал.

– Если ты сейчас не проводишь нас к Горбачу, то тебе придется прочитать, что написано на удостоверении моего местного коллеги и, заодно, узнать, какие полномочия ему предоставила местная прокуратура. Мне кажется, что этот пейзаж здорово украсил бы десяток-другой автоматчиков в масках и бронезилетах. И у тебя есть всего две минуты на то, чтобы сбегать к Горбачу и вернуться сюда. Время пошло.

Охранник, хоть и не выглядел особым интеллектуалом, но смысл сказанного уловил быстро и стартовал сразу, что-то приказав на ходу своему напарнику. Тот попятился от машины и расстегнул куртку.

– Ты умеешь сразу понравиться людям, – негромко сообщил Штефан и достал откуда-то из-под сиденья пистолет.

– А ты умеешь быстро ориентироваться в ситуации. Если они сейчас заметят у тебя оружие, то нам больно будет вспоминать о случившемся.

Штефан что-то прошептал и спрятал пистолет.

– Да не волнуйся ты так, Штефан, сейчас мы войдем в дом, спокойно побеседуем...

Из дома появился невысокий крепыш лет сорока пяти, в темном строгом костюме.

– А вот и Горбач, – удовлетворенно констатировал Сергей.

Горбач, не спускаясь с крыльца, махнул рукой.

– Вот нас уже и приглашают. Пошли.

Сергей вышел из машины, подождал, пока Штефан выйдет тоже, и двинулся к дому.

– Чуть не забыл, – хлопнул себя по лбу Сергей и обернулся к охраннику, оставшемуся у машины, – там, в багажнике – человек. Вы его аккуратно занесите в дом. Только очень аккуратно, у него головка бо-бо.

– Здравствуй, Горбач, – сказала Сергей, – меня зовут Сергей, фамилия моя Алексеев и я один из тех, с кем вчера встречался Зимний.

– Здравствуй, – Горбач не протянул руки, как, впрочем, и Алексеев.

– Нам нужно поговорить.

– А если мне не нужно?

– Тогда у тебя начнутся проблемы. Это ничего, что я слишком резко говорю?

– А если проблемы начнутся у тебя?

– Тогда твои проблемы тебя просто задавят. Может, в доме поговорим? Или ты хочешь, чтобы я тебя дерьмом поил при свидетелях? – Сергей улыбнулся.

– Добро пожаловать, – горбач отошел в сторону, пропуская Алексеева и Штефана.

– Я тут твоих красавцев попросил достать из машины местного пацана. Ты уж распорядись сунуть его в надежное место, лучше без окон, нам с ним еще нужно поговорить.

– Нахрена мне ваши дела?

– Наши общие дела. Или ты не хочешь знать, кто грохнул Зимнего?

23 октября 1999 года, суббота, 13-00, Москва.

– Я надеюсь, что это того стоило, – сухо заметил Михаил, откладывая в сторону листки бумаги после того, как трижды перечитал их.

– Что вы имеете в виду, Миша? – холодно спросил Виктор Николаевич. Все время, пока Михаил читал, Виктор Николаевич спокойно рассматривал его. Молча. И это несколько нервировало Михаила.

– Я надеюсь, что то, как я блестяще исполнил роль зарвавшегося мальчишки, принесло какую-нибудь пользу лично вам, или хоть кому-нибудь.

– Принесло. Вам, например, Миша. Вы отчего-то совершенно забыли о командном методе соревнований. Что за привычка выступать вне зачета?

– Я должен это понимать как пролог к разговору об отставке?

– Отнюдь. На меня и на еще некоторых людей ваши действия произвели очень сильное впечатление. Умудриться создать свою собственную организацию, да не просто организацию, а организацию международную... Блестяще! И эффективную, заметьте. Особенно нас покорила ваш метод самофинансирования. Просто шедевр, – Виктор Николаевич несколько раз бесшумно хлопнул рукой о руку. – Примите эти овалы как знак моего искреннего восхищения. А теперь от лирики к делу.

Михаил невесело усмехнулся.

– Не нужно так расстраиваться, Михаил. На самом деле я вас заподозрил почти сразу после окончания той самой операции в девяносто пятом. Слишком уж кстати подвернулась та ваша промашка для того, чтобы вы не смогли занять место моего зама. Вы не захотели терять самостоятельность?

Михаил снова улыбнулся.

– Вы тогда меня очень огорчили, Михаил. Я тогда даже на минуту поверил, что вы способны так ошибаться, настолько позволить гуманизму искалечить вашу карьеру.

После выхода в свет той книги я действительно серьезно рассматривал возможность вашей полной отставки. И, кстати, было у меня сильное желание разобраться с вашим протезе. Но вы все очень аккуратно организовали. Все так обставили, что разобраться с ним выходило слишком накладно и для нас, и для украинской стороны. И было принято решение сделать

вид, что ничего особенного не произошло, что утечка информации если и имела место, то не очень существенная.

А вас, в качестве наказания, на целых три года отправили на оперативную работу. Чего вы и добивались. Так?

– Так.

– Одновременно с этим, или почти одновременно, некоторые из ваших украинских коллег, и не только украинских, произвели подобные же демарши в своих структурах. С теми же результатами. Со мной, кстати, консультировались и по поводу вашего журналиста. И согласились с моим решением его не трогать. Как видите, и нам не чужд гуманизм.

– Если его нарушение вам обойдется слишком дорого.

– Это естественно. Я все время ожидал, когда вы, наконец, проявите себя. Ожидал, ожидал, и, наконец, дождался.

– Мы строили, строили и, наконец, построили! – продекламировал Михаил.

– Именно. И вот что я вам в результате скажу, Миша. Для решения нестандартных задач нужны нестандартные методы и нестандартные инструменты. Ни я и никто другой, по моим сведениям, не ставил себе задачей отследить всю вашу организацию и вычислить всех ее членов. По вполне понятным причинам мы даже не сможем устраивать чистку наших рядов, как в тридцать седьмом. Я ставлю условие. Вы должны продемонстрировать свою эффективность в «Армагеддоне», и я лично выступлю в вашу поддержку.

Если вы не справитесь, Миша, то и здесь, и в Украине, пройдет цепочка увольнений, выходов в отставку, а в некоторых случаях – несчастных случаев и самоубийств.

– Веселая перспектива.

– Очень. Но честная, что в наше веселое время уже само по себе большое достижение. Просто гигантское.

– Почему возник этот разговор именно сегодня? Или секрет?

– Никаких секретов.

– Почти никаких, – поправил Михаил.

– Почти никаких, – согласился Виктор Николаевич.

– Так что же случилось?

– Мы этой ночью провели нечто вроде командно-штабных учений. И пришли к неутешительному выводу, что не готовы к «Армагеддону». Приблизительно об этом же думали вы, когда решили создавать свою организацию. Так?

– Приблизительно.

– Я не буду демонстрировать вам досье на очень многие ключевые фигуры в правительстве, армии и в нашей собственной структуре. Они уязвимы. Уязвимы настолько, что достаточно только чуть надавить на них, чтобы заставить работать на кого угодно.

– Некоторые из них это уже пробовали, – заметил Михаил.

– Или пробуют сейчас. И мы стоим перед очень грустным выводом, – Виктор Николаевич подождал немного вопроса от Михаила, потом тяжело вздохнул и продолжил, – не исключено, что кто-то почти на самом верху уже получил предложение о сотрудничестве. И любая информация будет немедленно уходить к Врагу. Таким образом, мы проиграем в самом начале. Вот почему наш разговор произошел именно сегодня.

– Или грудь в крестах...

– Или голова в кустах, – Виктор Николаевич взял отложенную Михаилом стопку бумаг, аккуратно вытащил из бумаги скрепку и сунул листки машину для уничтожения документов. – Вот такие пироги, Миша.

– Я могу действовать...

– Как вам будет угодно. Учтите, если вы слишком плотно подойдете к Врагу, по вам ударят уже с нашей стороны.

- Могут ударить...
 - Ударят, Миша, ударят. И самое грустное будет в том, что и я приму в этом участие. Скажу даже больше, вы и ваша организация будете объявлена союзником Врага, и на вас будет повешена ответственность за саботаж. Если вы проиграете.
 - Сколько человек знает о нашем разговоре?
 - Трое.
 - Вы, Игорь Петрович и?..
 - Не ваше дело, Миша. Нужно хотя бы во время таких неприятных разговоров сохранять иллюзию субординации.
 - Хотите честно, Виктор Николаевич?
 - Не хочу, тем более честность – не ваш конек. Как, собственно, и не мой.
 - Ладно, пусть с той долей честности, которую мы можем себе позволить. После таких разговоров как этот, субординация и дисциплина совершенно уходят из отношений. Штрафные батальоны не пели патриотических песен и в атаку ходили с матом, а не с криком «За Родину».
 - Мне очень жаль, Миша, но свой батальон вы поведете именно за Родину, хоть и без крика.
 - Давно не писал я слова «Родина» с большой буквы, – сказал Михаил.
 - Цитата?
 - Из ненаписанного. Какие будут распоряжения?
 - Приступайте, Михаил и, поскольку вам понадобится свобода действий, езжайте немедленно на Украину...
 - В Украину. Они очень обижаются, когда кто-то норовит приехать «на» а не «в».
 - Езжайте в Украину, там, кстати завтра утром предстоит задержание груза с оружием из Белгорода от вашего торговца. Место вашего постоянного официального обитания – старая база возле границы.
- Вот там и расследуйте цепочку поставок, заказчиков и тому подобное. Ведь именно этого от нас ждет Враг. А мы будем здесь активно изображать идиотов, тянуть ляжку и обезвреживать «кrotов», реальных и потенциальных. Время от времени я буду вызывать вас для совещаний. Ваша задача искать источник угрозы. А наша – пресекать и предотвращать. Счастливого пути!
- Скатертью дорога. В таких случаях говорят – скатертью дорога.
- Виктор Николаевич встал, протянул руку:
- Удачи вам, Миша.

23 октября 1999 года, суббота, 11-15 по местному времени, Будапешт.

Общий язык с Горбачом удалось установить почти сразу. Горбач, во-первых, не хотел ссориться с местными властями, во-вторых, не хотел ссориться с родными спецслужбами, в-третьих, не хотел уйти вслед за Зимним.

Установить, кто и зачем отправил Зимнего на тот свет, было важно и для Сергея, и для Штефана, и для Горбача.

Установив общность интересов, высокие соглашающиеся стороны решили не откладывать дел в долгий ящик и начать свое сотрудничество с допроса мадьяра, покушавшегося на Сергея. Прежде чем дать на это согласие, Штефан несколько минут беседовал с кем-то по сотовому телефону, потом кивнул – можно.

Пленный крепился недолго. Два звероподобных молодца, которых взял с собой в гараж Горбач, пристегнули мадьяра наручниками к водопроводной трубе и отошли в сторону.

Горбач подошел к нему и тихо что-то сказал. Мадьяр вздрогнул, быстро взглянул на Сергея и покачал головой. Горбач не стал настаивать, выпрямился и поманил пальцем одного из зверей. Тот подошел, дружески похлопал сидящего на полу по щеке и вынул из кармана брюк полиэтиленовый кулек.

Сергей отвернулся. Следом за ним отвернулся Штефан. Вытащил пачку сигарет, протянул Сергею. Сергей взял сигарету и, доста из кармана зажигалку, прикурил сам и дал прикурить Штефану.

За спиной послышалась какая-то возня, невнятные возгласы.

Потом опять заговорил Горбач. И снова шорох кулька и суета.

Что-то хрустнуло, раздался крик, быстро перешедший во всхлип. И пленный заговорил, громко и торопливо.

Штефан быстро обернулся, подошел к сидящему ближе. Сергей аккуратно загасил окурок и бросил его в мусорное ведро. Он не особенно высоко оценивал свои познания в мадьярском языке, а допрашиваемый говорил слишком быстро и невнятно.

Несколько раз его монолог перебили своими вопросами Штефан и Горбач. Бедняга ответил на все вопросы без запинки.

– Можно идти, – сказал Сергею Горбач, – тут все более-менее ясно. Их послал наш основной конкурент из местных, Иштван – Зверь. Зачем – парень не знает. О Зимнем узнал из утреннего выпуска новостей. Больше ничего не знает. Что дальше?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей, когда они поднялись в бывший кабинет Зимнего.

Штефан промолчал.

– Прикажете ехать к Зверю? – поинтересовался Горбач, – так я приказа не исполню. То, что тебя хотели грохнуть – меня и моих ребят не касается. А имеет Зверь отношение к смерти Артема – не знаю. И пока не узнаю – с места не сдвинусь. И так, дай Бог, чтобы Зверь на меня не обиделся за этого, – Горбач ткнул пальцем в сторону гаража. – Пить будете?

– Не хочу, – Сергей покачал головой.

– Смотри... А ты? – Горбач посмотрел на Штефана.

– И я не хочу.

– Тогда я сам, – Горбач подошел к бару, налил себе водки. – Знаешь, что меня больше всего удивило, когда я в Венгрию приехал? Как они нашу сорокаградусную называют. Компот. У них своя по пятьдесят градусов.

Горбач выпил.

– А кто, по-твоему, мину Зимнему подложил?

– Кто-то из наших. Нашлась падла.

– Кто?

– Если бы я знал – уже на куски порвал бы. Кто-то из близких. Может даже кто-то из тех вон, – Горбач указал пальцем в окно и охнул, роняя стакан.

Сергей и Штефан одновременно посмотрели в окно. Все было по прежнему, пустая мокрая улица, их «вольво» напротив дома. И даже два охранника возле машины. Только охранники лежали. Один на спине, другой, согнувшись, на боку.

Горбач достал из-под пиджака пистолет, щелкнул затвором. Одновременно тоже самое проделал Штефан. Сергей немного растерянно посмотрел по сторонам – у него оружия не было.

– »Помпу» возьми за диваном, – приказал Горбач, и, держа под прицелом дверь, снял телефонную трубку с аппарата. – Не работает, блин.

Штефан переложил пистолет в левую руку, правой достал из кармана сотовый телефон, набрал номер и спокойно назвал несколько цифр.

– Через десять минут, – спрятав телефон, сказал Штефан Сергею.

– Это еще дожить нужно, – усмехнулся Горбач, – как думаете, это за мной или за вами?

– За нами всеми, – успокоил его Алексеев.

За дверью кабинета, в коридоре, что-то скрипнуло. Сергей прижался спиной к стене возле двери и поднял ружье стволом вверх.

Еще девять минут, подумал Сергей, глянув на часы. Целых девять минут.

Когда за дверью загрохотал автомат и полетели щепки, Сергей передернул затвор ружья и присел. Горбач усмехнулся и поднял пистолет, по-киношному взяв его двумя руками. Штефан левой рукой швырнул стул в окно.

Автомат в коридоре замолчал, раздался чей-то возглас. Потом в дыру, образовавшуюся на месте дверного замка, влетела граната. Сергей замер.

Штефан сделал два легких шага и пинком, как футбольный мяч, отправил гранату в окно, на улицу.

Через три секунды за окном рвануло.

Сергей, упав на бок, дважды выстрелил в дверь. Потом еще раз. Ружье, как оказалось, было заряжено картечью, и дверь просто вынесло в коридор. Над головой у Сергея несколько раз выстрелил пистолет Горбача, крикнул Штефан.

В коридоре что-то шевельнулось, и Сергей нажал на спуск. Крик. Потом грохот, будто кто-то опрокинул мебель.

Алексеев выкатился в коридор, и, заметив силуэт в конце коридора, выстрелил еще раз. Все, в ружье было только пять патронов.

В коридор вылетел Штефан, ударился плечом о стену, и, прежде чем остановился, успел выстрелить три раза. Сергей огляделся, но оружия на полу не было. Убитый лежал дальше по коридору.

Автоматная очередь со стороны лестницы прошла слишком высоко, со звоном разлетелся светильник под потолком. Следующая очередь прошла ниже. Штефан вскрикнул, его развернуло и бросило на пол.

Пистолет вылетел из руки.

Автомат ударил снова.

Сергей вцепился в руку Штефана и заполз обратно в кабинет, волоча мадьяра за собой.

Горбач, не высовываясь в коридор, выстрелил два раза наугад. Ему ответил автомат.

– Если снова начнут бросать гранаты, – крикнул Горбач, – нам гранты. Как там венгр – живой?

Штефан застонал.

– Живой, – сказал Сергей.

– Глянь в окно, чтобы нам чего-нибудь с улицы не бросили, – сказал Горбач и опять дважды выстрелил в дверь.

С улицы донесся визг тормозов, крики.

– Помоги мне встать, – попросил Штефан.

Сергей взял его подмышки и подтащил к окну.

– Что там? – спросил Горбач, не отходя от двери.

– Подмога прибыла, – сказал Сергей, не испытывая ни радости, ни облегчения.

Горбач подождал несколько секунд, прислушиваясь, потом аккуратно обтер свой пистолет носовым платком и осторожно выбросил пистолет в коридор.

– Смотри, если спросят, мы стреляли только из «помповика», он зарегистрирован. Слышал, венгр?

– Да, – сказал Штефан, – только допросов не будет...

– На всякий случай.

Прибывшие оперативники из нападавших живыми взяли троих. Двое были местными, третий – один из охранников Зимнего. Кроме Горбача и Сергея, в доме не выжил никто. Прикованный к трубе в гараже был убит одной очередью с обоими помощниками Горбача.

Штефана перевязали и отправили в госпиталь. Перед отъездом он подозвал к себе Сергея:

– Сейчас тебя отвезут в ваше посольство. Через двенадцать часов ты должен убраться из Венгрии ко всем чертям.

– У меня твоя Венгрия знаешь, где сидит?

– Проклятый шовинист, – сказал Штефан.

– От националиста слышу, – ответил Сергей.

– Коммунист недобитый, – сказал Штефан, протягивая руку.

– Сам-то, небось, в Союзе образование получал? – спросил Сергей, отвечая на рукопожатие.

– Под Москвой.

– Научили вас на свою голову. Лечись давай.

– Убирайся домой!

Штефана увезли. Вежливо предложили Сергею следовать к подъехавшей машине.

– Таки Зимним занимался Зверь, – сказал вдогонку Сергею Горбач.

– И что?

– Я помню, что ты хотел узнать.

– Тогда – пока. – Сергей, не оборачиваясь, прошел к машине.

Хватит, наездился по заграницам, пора домой.

23 октября 1999 года, суббота, 12-30 по Киеву, Город.

Вообще-то это оформленное по западному образцу кафе называлось не «Ключевое слово». На вывеске значилось «Анис», но рука дизайнера придала буквам такое хитрое очертание, что вначале лучшими представителями нашей команды кафе было переименовано в «Анус», а затем, после одного из турниров, получило подпольное название «Ключевое слово», с нашей точки зрения, синонимичное.

Во всяком случае, описывая какое-либо неприятное для нашей команды положение, мы теперь говорим, что находимся глубоко в ключевом слове. И ужасно смеемся при этом.

Мы вообще, собравшись в полном составе, обычно редко ведем себя серьезно. И очень редко наши шутки можно назвать приличными или повторить вслух в приличном обществе.

Кафе связано для меня с воспоминаниями скорее приятными, чем грустными, поэтому, наверное, я и назначил Алиске встречу здесь. Пока я ехал в метро, пока гулял по улицам и пока сидел в кафе, дожидаясь, как обычно, опаздывающую Алиску, мысли мои немного посветлели и оживились.

В кафе было как всегда людно. Я оккупировал маленький столик в самом углу, возле второго, вечно закрытого входа. Передо мной стояла чашка чая, которая должна была примирить обслуживающий персонал с моим пребыванием в кафе.

Что со мной происходит? Или нет, точнее, что происходит вокруг меня. Ко мне обратился неизвестный мне человек и предложил работу. Бывает.

Этот человек сообщил, что знает обо мне нечто, что заставило его ко мне обратиться. Все может быть.

Этот человек действительно знает обо мне то, чего в принципе знать не должен. Это уже неприятно. Совсем неприятно. Он неприятно близко в разговоре со мной топтался вокруг того, что должен был знать только я и еще два человека. Но эти люди вряд ли стали бы действовать через посредников. Или все меняется в этом мире?

Вон даже мой чай остыл. Лдины в нем еще не плавают, но все идет к тому.

Появился у меня соблазн просто встать сейчас с металлического стульчика, на котором я сейчас сижу, и отправиться позвонить кому-нибудь из этих двух моих знакомых. Или

даже обоим сразу. И задать обоим вопрос, мол, кто из вас, козлов, растрепался так? И напомнить, что я свою часть нашего джентльменского договора выполнил. И собираюсь выполнять и впредь.

А если меня просто купили? Просто наехал на меня шустрый Толик в сопровождении пронизательного Фокина... Зачем? Достаточно было просто заказать мне роман, не начиная рассуждать о реальных персонажах моей первой книги, и о потенциальной угрозе для других авторов подобной писанины. И эти еще рассуждения на счет секретных военных документов...

Твою дивизию! Спокойно, Саша, не нужно так нервничать. Просто спокойно подумайте, а не хотят ли через вас обнародовать какую-нибудь пакость о потенциальном противнике?

Или все-таки, не перевелись среди конкретных пацанов мечтатели, желающие зарабатывать по-европейски, шумно и красиво? У меня слишком мало информации чтобы делать выводы. В конце концов, выходит, что Жовнер предложил самый оптимальный вариант. Месяц я покопаюсь, прикину так и так, а потом уже и решу...

Все это слишком напоминало сделку с самим собой, но не мог я просто вот так взять и отказаться от заработка. Не мог.

В кафе вошла Алиска. Я встал и помахал ей рукой. Она улыбнулась и стала протискиваться между столиками, стульями и посетителями.

Пока она шла ко мне, я успел вдруг подумать, что не стоит втягивать ее в свои тягостные размышления. И уж тем более не стоит ей рассказывать о всех моих приключениях четыре года назад. У нее и своих проблем хватает. Мне, конечно, очень хотелось поплакаться ей в жилетку, но вместо этого я заулыбался еще шире и поцеловал ее в щеку. Как обычно она опустила голову и я, как обычно, чуть не чмокнул ее в ухо.

– Что случилось? – спросила Алиска.

– У нас праздник, – натурально радуясь, сообщил я.

– Что случилось? – еще раз спросила Алиска, но уже немного спокойнее.

– Мы с тобой нашли работу.

– Какую и где? – уточнила Алиска, отдавая мне плащ и усаживаясь за столик.

– Нам заказали книгу.

– Это ВАМ заказали книгу.

– Нам, я тебя тоже беру на работу.

Алиска скептически улыбнулась. У нее очень славно получается скептическая улыбка. У нее вообще очень славно получают улыбки, кроме тех случаев, когда она улыбается демонстративно и мне назло. Но это, слава Богу, бывает редко.

– И о чем книга?

– О войне между Украиной и Россией.

– Что я могу написать об этом?

– Почти тоже самое, что и я.

– Веселое начало.

– Зато я получил аванс. И даже смогу вернуть тебе твои сто долларов, – я полез в карман.

– А они тебе самому не нужны?

– Нет, мне дали очень много денег. Настолько много, что я могу угостить тебя чем-нибудь.

– Даже мороженым со сливками? – изумилась Алиска.

– Даже. И смею тебя заверить, что жизнь прекрасна.

– Тогда зачем так нервничать?

– А я разве нервничаю?

– Еще как. Рассказывай, что произошло.

И я стал рассказывать. Естественно не все. Адаптированный вариант моей беседы в «Туристе». Я рассказывал очень искренне и правдиво. Настолько искренне и правдиво, что Алиска мне поверила. Кажется.

Потом мы ели торт, пили чай и болтали. Я строил планы на будущее. Алиска не мешала мне их строить, иногда даже подыгрывала.

Я прочитал у кого-то из классиков: «Они просто пили чай, а в это время рушились их судьбы».

Мы просто пили чай.

Глава 3.

24 октября 1999 года, воскресенье, 8-00 по Киеву, российско-украинская граница, район Города.

«Газель» прошла таможенный контроль быстро, как на российской стороне, так и на украинской. Водитель даже не выходил из кабины – все переговоры с официальными лицами проводил сопровождающий.

Обменявшись несколькими фразами с таможенным начальством, сопровождающий аккуратно клал на стол конверт, который таможенник так же аккуратно клал в карман мундира.

Диалоги на российской и на украинской стороне практически не отличались друг от друга, только денег в украинском конверте было немного больше – во-первых, ввоз всегда дороже, а во-вторых, на Украине таможенники привыкли брать больше. Как, впрочем, и милиционеры на приграничном посту ГАИ.

Капитан милиции получил свой конверт, отошел в сторону, пересчитал купюры, удовлетворенно улыбнулся и кивнул старшине. Тот дружелюбно кивнул водителю «газели» и разрешающе махнул палочкой.

– Новенькие. – сказал водитель, когда пост ГАИ скрылся за поворотом.

– Что?

– Новенькие все на посту. А по расписанию должны были стоять другие. Прикормленные. Сопровождающий почесал бровь:

– Мало ли что. Может, их на взятке застукали.

– Может. Тогда почему эти так спокойно взяли бабки?

– А чего им бояться? Два раза подряд не проверяют. Кроме того, если у этой братии кого и ловят, то только для галочки в отчете. Борьба с коррупцией.

Водитель одной рукой достал из «бардачка» пачку сигарет, губами зацепил одну, пачку бросил назад, из нагрудного кармана вынул зажигалку. Прикурил.

– Не знаю. Почему нас не предупредили о смене?

– Не сочли нужным.

– Не сочли... – протянул водитель и нажал на тормоз, – твою мать!

Сразу за поворотом почти поперек дороги стоял грузовик. На борту фургона сквозь грязь проступала какая-то красная надпись.

«Газель» чуть занесло.

– Что там у него?

– А черт его знает, – водитель снова выругался.

– Давай... – начал сопровождающий, но договорить не успел – возле обоих дверей кабины, как из-под земли, выросли силуэты.

– Сразу договоримся, – сказал один силуэт, – это не ограбление. И если что – мы имеем разрешение стрелять на поражение. Как информаторы вы нам не слишком нужны.

Говоривший сделал паузу, давая возможность сидевшим в кабине обдумать информацию.

Грузовик, перекрывавший дорогу, медленно отъехал к обочине.

– Сейчас вы аккуратно выйдете из машины и перейдете в наш транспорт. Возражения есть?

Водитель молча покачал головой.

– Это хорошо. Просто замечательно. Погода мерзкая, настроение плохое, лучше не нервничать.

Возле «газели» остановился микроавтобус «скорой помощи».

Водитель и сопровождающий медленно, постоянно держа руки на виду и старательно избегая резких движений, выбрались на мокрый асфальт дороги.

Место водителя занял один из подошедших, и «газель» уехала.

– Прощу в карету.

В «скорой помощи» сидели три человека. Они пристегнули взлезших в салон наручниками к скобам на стенке.

Дверца закрылась. «Скорая помощь» развернулась и поехала в сторону границы.

– Какого?.. – начал было сопровождающий.

– Такого, – оборвал его водитель, – у «скорой» российские номера.

Сопровождающий закрыл глаза.

Майор милиции Павел Ковальчук проводил взглядом «скорую помощь», махнул рукой водителю грузовика. Грузовик мигнул фарами и уехал.

С проселка медленно выползла жигулевская «восьмерка».

– Домой! – сказал Ковальчук, усаживаясь на переднее сидение, – Гони, Игорек.

– Вот сейчас все брошу, – ворчливо сказал Игорек.

– Не рычи, жизнь – прекрасна.

– Пока доберемся до Города...

– Зато как прошла операция!

– О которой все равно никто не узнает.

– Славы захотелось, ваше благородие?

Игорек хмыкнул.

– Вот и я говорю, лучшей наградой для нас будет сознание выполненного долга.

– Звучат фанфары и твоему бескорыстию аплодируют толпы девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.